

С.В. Городилин

РОСТОВСКИЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ И ЕГО НЕДОЛГОЕ ПСКОВСКОЕ КНЯЖЕНИЕ

Аннотация: Статья посвящена конкретному случаю: событиям, связанным с изгнанием псковичами в 1462 г. своего князя Владимира Андреевича Ростовского. Привлечение более обширного массива сведений летописей и актов позволило конкретизировать бытовавшие в то время нормы выбора и принятия князей на псковский стол, зафиксировать вызванные конфликтом с князем Владимиром новации в этой важнейшей для тогдашних псковско-московских связей сфере, а также рассмотреть вопрос о роли, которую направление Владимира Андреевича из руки великого князя на княжение во Псков могло играть в отношениях Москвы и Ростова. Полученные выводы позволяют точнее охарактеризовать роль эксцесса 1462 г. в политической истории Псковской республики. Кроме того, в результате удастся выявить целый ряд значимых деталей, характеризующих реальное наполнение тех зафиксированных великокняжескими актами политических статусов Пскова и Ростова относительно Великого княжения Московского, общие направления трансформации которых намечены упоминаниями в духовных и договорных грамотах великих князей Василия Васильевича и Ивана Васильевича.

Ключевые слова: Владимир Андреевич Ростовский; Псковская республика; псковские князья; Ростов; русская средневековая история

S.V. Gorodilin

Prince of Rostov Vladimir Andreyevich and his short-term rule in Pskov

Abstract: The article examines a particular case: the events related to banishing by Pskov citizens their Prince Vladimir Andreyevich of Rostov. Broadening of the examined chronicles and acts has let make more specific contemporaneous norms of election and acceptance of Princes as Pskov rulers, detect novations in this area, one of the most important for relations between Moscow and Pskov of that time, and also consider the problem of the role which appointment of Vladimir Andreyevich by the Great Prince to rule at Pskov could play in relation between Moscow and Rostov. The findings let characterise more accurately the role of the excess which took place in 1462 in political history of Pskov republic. Besides that this study helps to reveal a considerable number of significant details which characterise real circumstances behind those political statuses of Pskov and Rostov in their relationship with Moscow that had been documented in the Great Prince's acts and whose main directions of transformation are outlined by references in testaments and pacts of Great Princes Vasily Vasilyevich and Ivan Vasilyevich.

Keywords: Vladimir Andreyevich Rostovsky; Pskov republic; Pskov princes; Political history; Rostov; Russian medieval history

Пребывание на псковском столе ростовского князя Владимира Андреевича оказалось достаточно кратким — как позже отметил летописец, «с полтора году и не полны» — и не было отмечено какими-то особо выделяющимися событиями. Чрезвычайно ярким стал лишь его финал: в самом начале осени 1462 г. великокняжескому наместнику и владельтельному князю не просто пришлось покинуть город, как это не столь уж редко случалось со ставшими неугодными псковичам князьями до того. Князь Владимир еще и подвергся ранее небывалому оскорблению — «на вечи съ степени съпхнули его». Обычно о лишенных горожанами власти князьях просто и сухо писалось «поеха из Пскова», а Владимир Андреевич после случившегося, как дружно сообщают городские летописи, отправился «на Москву съ бесчестиемъ к великому князю Ивану Васильевичю жаловатися на Псковъ»¹. Прибывшее вскоре вслед за оскорбленным Владимиром псковское посольство великий князь, после того, как его наместника и князя псковичи подвергли такому позору, не принимал в течение трех дней. Впрочем, в итоге status quo в отношениях великого князя Московского и его отчины «мужей псковичъ доброволных людеи» все же был восстановлен.

Отраженный лишь псковским летописанием, столь колоритный эпизод позднего русского средневековья был воспринят отечественной историографией еще со времен Н.М. Карамзина, интерпретация которого предопределила угол зрения на данный сюжет и последующих исследователей. Опираясь на доступные ему тексты Архивского 2-го списка ПЗЛ (далее Арх.П; Н.М. Карамзин называет его «псковской летописью Малиновского»), где известие о приезде на княжение в Псков великокняжеского наместника князя Владимира сопровождается замечанием, что тот был прислан «не по псковскому прошению ни по старинѣ», и Синодального списка П2Л (далее Син.), ученый указал, что великий князь Василий Васильевич незадолго до своей кончины дал псковичам «в наместники, без их воли, князя Владимира Андреевича; они приняли его, но не любили и скоро выгнали: даже обругали и столкнули с крыльца на вече». После чего, когда в Москву прибыло посольство псковских бояр, новый великий князь Иван три дня «не хотел их видеть; на четвертый выслушал извинения, простил и милостиво дозволил им выбрать себе князя»². Таким образом был задан контекст, в рамках которого и происходило дальнейшее осмысление этого эпизода в историографии: все случившееся рассматривалось сквозь призму отношений подчиняющей себе все новые политические образования великокняжеской власти и Пскова в последние полвека существования городской коммуны; активной стороной предполагался Василий

Васильевич, пославший своего наместника на княжение вопреки традиции без согласия горожан, но те, пойдя в ответ на резкое обострение, все же сумели отстоять (хотя, как впоследствии окажется, не столь уж надолго) свою «старину» от посягательства Москвы, которая в итоге уступила.

Публикация памятников псковского летописания М.П. Погодиным³, а затем в IV и V томах ПСРЛ⁴ в этом смысле ничего не изменила: события реконструировались и анализировались историками на основе простой компиляции известий изданных летописных текстов. Определяющее суть конфликта замечание о нарушившем «старину» приезде Владимира без прошения псковичей, что и предопределило последовавшее изгнание наместника, бралось из положенного в основу публикации Арх.П списка ПЗЛ и дополнялось содержащимся в разночтениях к его статье 6970 г. по Архивскому I (далее Арх.I), Карамзинскому, Бальзеровскому и Снегиревскому спискам П1Л и в статье 6971 г. опубликованной по Син. П2Л, указанием, что неугодного князя «с степена на вечи спихнули», которым иллюстрировалось его «бесчестье».

Эта модель интерпретации событий псковского княжения Владимира Андреевича применялась и в общих обзорах русской истории, и в работах, посвященных проблемам истории Пскова⁵. Хотя все те авторы, которые касались данной темы, придавали обстоятельствам присылки и последовавшему изгнанию этого князя особое значение в свете развернувшегося в дальнейшем наступления великокняжеской власти на псковскую самостоятельность и, в итоге, присоединения Пскова к Московскому государству, но попыток привлечь для анализа доступных сведений о псковском княжении Владимира иные известия источников или сопоставить между собой имеющиеся летописные версии рассказа о конфликте и о его предыстории ими не делалось. Предполагаемые кандидатуры князей, будто бы выдвинутые в 1461 г. псковичами, но отвергнутые Москвой, вопреки им демонстративно отправившей Владимира Андреевича, возникали из мира идей без поиска каких-либо оснований в имеющихся текстах памятников⁶. Принятие Псковом нежеланного князя, прибывшего наперекор воле города, объяснялось страхом перед великим князем либо нуждой в московской помощи для борьбы с немцами — впрочем, вскоре этот страх почему-то напрочь исчез, а с Ливонией как раз перед приездом Владимира было заключено мирное соглашение на пять лет. Не находили убедительного объяснения в рассматриваемом контексте ни странная резкость, ни последующая неожиданная мягкость Москвы, которая согласно принятой интерпретации вначале пошла на ничем не обусловленное и

при этом не встретившее никакого сопротивления провокационное нарушение старинных норм только что перед этим столь удачно для нее восстановившихся отношений с Псковом, а спустя полтора года вдруг легко уступила без каких-либо санкций. Мотивы решений и смысл действий великих князей Василия Васильевича и Ивана Васильевича реконструировались на основе одних и тех же использованных еще Н.М. Карамзиным летописных известий, которые иллюстрировали гипотетические построения исследователей.

Новая публикация псковских летописей А.Н. Насоновым⁷, установившим существование трех, а не двух, как прежде считалось, ветвей летописания в Пскове второй половины XV — середины XVI в., наглядно продемонстрировала наличие в них различных версий сообщений о появлении князя Владимира и о его изгнании, а также уточнила место содержащих эти версии памятников в летописной традиции Пскова. Впрочем, это мало повлияло на уже сложившийся подход к осмыслению рассматриваемых событий. Взятый за сопоставление версий Л.В. Черепнин пришел к выводу, что за сообщением П1Л и П2Л о бесчестии князя на вече скрыто неизвестное источникам «восстание народа» в защиту старины против усиления власти Москвы и против местных бояр, которые, не приняв во внимание чаяний «широких масс черных людей», согласились на наместничество прибывшего без воли псковичей Владимира⁸. При этом лишь умолчавшая о самом факте предполагаемого восстания П3Л, напротив, сохранила указание о мотивах этого восстания, страх перед повторением которого и вынудил затем великого князя и псковских бояр прийти к соглашению, «чтобы отвести от себя народный гнев». Впрочем, убедительных аргументов в защиту своей гипотезы ученый не привел, не получила она поддержки и у последующих авторов⁹.

Ю.Г. Алексеев также констатировал расхождение версий рассказа о княжении Владимира в разных летописях, указав, что согласно одному списку князь приезжает «ни по псковскому прошению, ни по старине», а по другому — он принят с великой честью, и, кроме того, отметил, что Владимир все же «в известной мере... участвовал в политической жизни Пскова», а «открытый разрыв» псковичей с князем произошел все же не сразу, но «уже осенью 1462 г.». Однако ученый отказался от подробного рассмотрения вопросов о характере и причинах самого конфликта, поддержав уже ставшее общим мнение, что тот был связан «прежде всего с самой процедурой назначения князя», но осторожно добавляя, впрочем, что это «остается неясным» и, «во всяком случае, князь Владимир Андреевич во Пскове не прижился», а также присоединившись к традиционному предпо-

ложению, что перед его приездом, «по-видимому, псковичи просили другого князя, имя которого летописец не называет»¹⁰.

В целом нужно заметить, что всеми касающимися проблемы авторами применительно к рассматриваемым событиям презюмируется господство в то время в Пскове традиции приглашения князей исключительно по своему собственному выбору (иногда используется термин «выборность князей»), однако ни ее свойства, характеристики и формы реализации в рассматриваемый период, ни длительность ее бытования, ни ее соотношение с декларируемым самими же псковичами статусом их города как отчины московского великого князя не разбираются¹¹. Княжение Владимира в Пскове осмысливается историографией как уникальная ситуация первого и при этом осознанного нарушения великокняжеской властью сложившихся задолго до этого политических норм функционирования городской республики, отражение «усиливающегося давления» Москвы, которое вызвало мощную ответную реакцию. Вследствие такого подхода само это княжение не сопоставляется с княжениями в городе других московских наместников, не определяются те общие мотивы и критерии, которыми в рассматриваемый период руководствовались псковичи при приглашении князей и при их изгнании, а также не принимаются во внимание и не исследуются особенности статуса князя Владимира Андреевича в сравнении с прочими наместниками великих князей в Пскове. Более того, до настоящего времени эпизод с псковским княжением практически не рассматривался в контексте биографии самого Владимира и отношений великокняжеской власти и князей Ростова¹². Представляется возможным в той мере, какую может позволить источниковая база, попытаться исправить сложившееся положение.

Уточним событийную канву, восстанавливаемую по сведениям летописей. Даты приезда князя Владимира в Псков они не указывают, но известны предшествовавшие ему события: в 1460 г. при содействии великого князя Василия Васильевича готовится заключение пятилетнего перемирия Пскова с Дерптом, и, наконец, в самом начале 1461 г. псковское посольство и представители Ордена, Риги и Дерпта съехались в Новгород. Там при участии посла великого князя Московского и новгородских посадника и тысяцкого происходит подписание перемирной грамоты и целование креста, после чего начинаются процедуры ратификации соглашения и урегулирование последствий завершившегося конфликта¹³. В это же время Псков покидает предыдущий наместник великого князя Иван Васильевич Стрига Оболенский, который княжил там с 23 марта 1460 г.¹⁴ Вместе с ним к великому князю в Москву сразу же отправ-

ляется посольство псковских бояр во главе с посадником Максимом Ларионовичем «чтобы князь великий печаловался своею вотчиною мужьями псковичи»¹⁵. Миссия послов очевидна: городу было нужно подтверждение, что полученные им годом раньше обязательства военной и политической поддержки Василием Васильевичем Пскова как его великокняжеской «отчины» по-прежнему остаются в силе¹⁶.

Наиболее ранний из дошедших списков псковских летописей — сохранивший П2Л Син.¹⁷ — называет в качестве цели посольства посадника Максима также и то, чтобы великий князь «дать бы князя». С учетом признанной тенденции П2Л не к распространению, а, напротив, к максимальному сокращению текста, и близости времени создания памятника к описываемым событиям степень достоверности этого указания видится самой высокой¹⁸. Не противоречит ему и контекст: просьба о присылке нового князя после отъезда предыдущего — многократно упоминаемая летописями на протяжении всего XV в. стандартная псковская ситуация, и для мысли, что псковичи вдруг почему-то решили отказаться от уже прочно укоренившегося института своей политической системы или, прося у великого князя продолжения военного союза, в то же время захотели поискать для себя независимого от него князя в каком-то ином месте, нет никаких оснований. Такого рода заключения, впрочем, подталкивали ученых и к различным предположениям в связи с желаемой для Пскова кандидатурой нового князя, какую, по их мнению, непременно должно было заявить это посольство, но о которой почему-то промолчали летописцы¹⁹. Однако отсутствие в их рассказе имени того конкретного князя, которого в рамках этой логики послам непременно надлежало просить в Москве, не должно смущать: в известиях об отправке подобных миссий имена кандидатов прямо указываются не всегда²⁰ (некоторые соображения о причинах этого будут изложены ниже). В известии о возвращении посольства Максима и о его отчете на вече также нет никаких указаний на то, что поездка хотя бы в чем-то оказалась не вполне успешна или на то, что в ходе миссии возникли какие-то противоречия с Москвой: послы вернулись «все добры и здоровы», а князь великий «свою отчину» Псков «жаловал» и обещал «стояти и боронити за домъ святыя Троица и за мужи псковичь», все летописи в этом согласны²¹.

Сразу же за этим следует сообщение о приезде на псковское княжение князя Владимира Андреевича. Точной даты оно, как уже сказано, не содержит, а следующее за ним известие годовой статьи — о закладке храма Успения в Мелетове — также не датировано и может быть отнесено к весенне-летнему строительному сезону 1461 г. Таким образом, князь должен был прибыть не ранее того времени, за

которое посольство смогло добраться из Пскова до Москвы, провести переговоры о его приезде и, вернувшись, отчитаться на вече (все это занимало никак не менее месяца или — обычно — даже ощутимо больше). Посольство же, как говорилось, выехало в Москву вместе с князем Иваном Стригой Оболенским, а тот покинул Псков по сообщению Тихановского списка П1Л (далее Тих.) и всех списков ПЗЛ «в недѣлю святых Отец 300 и 18».

А.В. Экземплярский вначале датировал отъезд этого князя 2 сентября 1461 г., решив, что речь идет о дне памяти не 318, а 3618 «святых отец», но позже не включил это предположение в свою обобщающую работу²². Действительно, оно было явно ошибочным: «3618 мученикам, иже в Никомидии» неделя не посвящена, кроме того, эти мученики вряд ли могли быть определены как «святые отцы». Мнение, что Иван Стрига «с год наместничал во Пскове» в 1461—1462 гг. (и, следовательно, уехал из города в 1462 г.), высказанное с неточной ссылкой лишь на П1Л А.А. Зиминым²³, противоречит всем хронологическим указаниям источников²⁴.

Ю.Г. Алексеев отнес отъезд князя Ивана к 31 мая 1461 г. (исходя, видимо, из того, что упомянутая летописцем Неделя святых отец 318 — это воскресенье 7-й недели по Пасхе), а возвращение послов и следующий за ним приезд Владимира — к лету этого же года²⁵. При всей внешней логичности такого заключения возникает, однако, неразрешенное противоречие. Сообщение об отъезде Владимира из Пскова в ПЗЛ дополнено, как говорилось, указанием, что он пробыл во Пскове чуть менее полутора лет («с полтора году и не полны»). Летописцы помещают бесчестие князя и последовавший за этим его отъезд в Москву в самое начало 6971 г. (Син.), или в конец статьи 6970 г. — «того же лѣта на осень» (Тих.), «тоя же осени» (П1Л в списках Арх.І; Варшавском²⁶, далее Варш., л. 338 об.; Погодинском, далее Пог., и Оболенском, далее Обол.) или «тоя же осени... месяца септября» (Строевский список ПЗЛ — далее Стр., и прочие ее списки), т.е. на рубеж августа и сентября или на сентябрь 1462 г.²⁷ При датировке Ю.Г. Алексеева княжение Владимира не могло начаться ранее июля — августа 1461 г. Но в таком случае оно продлилось бы никак не более 13 полных месяцев, а поскольку о прибытии князя сообщается как о случившемся уже после возвращения послов самостоятельным событием, то даже явно меньше — и вряд ли это могло быть определено летописцем как неполных «полтора году». Если усомниться в указанной ПЗЛ длительности пребывания князя на псковском столе, предположив в ней результат позднейшей ошибки (к примеру — вычисление на основе неясных указаний протографа), то придется заподозрить характер не слишком точного

припоминания и для всей этой включенной лишь в ПЗЛ вставки в присутствующее и в остальных псковских летописях известие об отъезде Владимира, которая дополнительно сообщает о продолжительности его княжения и о причинах изгнания. Если же считать, что в цифрах ПЗЛ, явно не слишком расположенная к ростовскому князю и не заинтересованная преувеличивать длительность его правления, все-таки не ошиблась, то остается подозревать ее и Тих. в неточности с датой отъезда Ивана Стриги. Это видится наиболее вероятным: если речь о точной дате — о конкретном воскресном дне, в который князь выехал из города, то он скорее должен был бы быть определен, как Собор святых отец 318, а не как их «неделя». Но существует и «Неделя святых отец» — последнее воскресенье перед Рождеством. Если предположить, что уточнение с цифрами («318»; «300 и 18») является дополнением позднейшего редактора или переписчика, не понявшего, о каких именно святых отцах шла речь, то выходит, что князь Иван вместе с послами покинул Псков 21 декабря 1460 г. В этом случае (с учетом времени на дорогу послов в Москву, переговоры, возвращение и их отчет и на последующий приезд князя) «с полтора году и не полны» завершившегося в сентябре 1462 г. княжения Владимира могли начаться весной 1461 г., что снимает все противоречия²⁸.

Указаний, что приехавший Владимир Андреевич принадлежал именно к Ростовскому княжескому дому, летописи не содержат. Впрочем, иных князей с таким именем и отчеством, сопоставимых по статусу и находящихся в сфере политического влияния Москвы, в это время не известно, ростовские же князья — в том числе отец и дядя Владимира Андрей и Федор Александровичи, а позднее также и сыновья Владимира Александр и Дмитрий — традиционно княжили на псковском столе, поэтому со времен публикации «Ключа...» П.М. Строева²⁹ никто не оспаривает мнения, что речь идет именно о Владимире Андреевиче Ростовском. Все летописи согласно отмечают, что он прибыл в Псков на княжение как наместник от великого князя и псковичи приняли его с честью³⁰. ПЗЛ и все списки ПЛ, кроме Тих., продолжают эту фразу известием «и посадиша его на княжение» («...во Псковѣ», уточняют Пог. и Обол.). Эта деталь опущена в П2Л, но ее автор, как сказано, сокращал текст своего протографа и краткая формула «прияша съ честию» постоянно применяется им в отношении вне всякого сомнения занявших псковский стол князей. Одновременное наличие чтения «и посадиша его на княжение во Пскове» в списках Стр., Арх.1, Варш., Пог., Обол. предполагает, что оно должно было быть уже в протографе, к которому они восходят (по мнению А.Н. Насонова — Своде 1481 г.).

В ПЗЛ это сообщение о приезде Владимира дополнено замечанием: «а не по псковскому прошению ни по старинѣ». В других псковских летописях, в том числе и в дошедших в ранних списках и ранних редакциях, его нет, что вынуждает предположить его отсутствие и в общем источнике этих памятников; возможных причин появления данного замечания в этом известии ПЗЛ мы коснемся ниже. Здесь же отметим, что, несмотря на то внимание, которое ему уделяли все исследователи, до настоящего времени никак не обсуждалось отсутствие упоминаний об этом важном обстоятельстве в прочих памятниках псковского летописания. Ни в них, ни в самой ПЗЛ нет и указаний о каких-то сопутствовавших вокняжению Владимира и его дальнейшему правлению сложностях или особенностях, которые бы возможно было связать с этой характеристикой его приезда и которые позволяли бы предположить некую неполноту его последующего княжеского статуса в сравнении с прочими псковскими князьями. При этом даже и ПЗЛ сохраняет выраженное в традиционной формуле указание своего протографа о должной чести, с которой князь был принят, и о его посажении на княжеский стол (т.е. о совершении обычного ритуала, легитимирующего властный статус в городе). Все последующие известия о княжении Владимира без колебаний именуют его «князем Псковским» и упоминают о происходящих в период его княжения событиях, как о случившихся «при князи Пъсковъскомъ Володимере Ондреевичи и при посаднике Максиме Ларионовиче».

Однако Л.В. Черепнин, опираясь лишь на лаконизм летописных формул, описывающих приезд и посажение на стол Владимира, уверенно заключил, что хотя «приехавший из Москвы наместник был принят с соблюдением всех соответствующих его положению церемоний», но при этом имело место резкое нарушение обычной практики: князь Владимир не целовал креста ко Пскову. «Летописи обычно очень последовательны в своих сообщениях о форме присяги, приносимой князьями Пскову и псковичами князьям, — отмечает исследователь. — Очевидно, в данном случае такой двусторонней присяги и не было». Таким образом, Владимир «не был князем, избранным Псковом, взявшим перед ним определенные обязательства и получившим соответствующие права», он лишь «являлся великокняжеским наместником», только «признанным местными псковскими властями»³¹. К сожалению, Л.В. Черепнин не сопроводил этот свой чрезвычайно серьезный вывод какой-то минимально подробной доказательной базой, которая бы содержала прямые ссылки на источники.

Ту же позицию недавно занял и даже развил А.А. Вовин. Касаясь «ритуализованных символических актов», сопровождающих вокня-

жение князей в Пскове, ученый указывает на постепенное формирование в летописании «устойчивых нарративных конструкций», описывающих их процедуру³². По его мнению, это происходит параллельно с усложнением в XV в. форм ритуала присяги, которые, как предполагается, всякий раз весьма точно отражены в текстах летописных сообщений о вокняжениях. Обязательность соблюдения и исполнения всех элементов ритуала А.А. Вовин вслед за Л.В. Черепниным иллюстрирует как раз казусом с приездом князя Владимира: поскольку в летописном известии не упомянуто о крестоцеловании этого князя Пскову, значит, этого целования креста не было и в действительности, и, следовательно, без столь важного элемента «в глазах псковичей не произошло» и самого вокняжения князя Владимира. В таких случаях, по словам исследователя, «князь ненадолго оставался в Пскове» и «псковичи могли обойтись с ним довольно неуважительно», т.е., следуя логике этой гипотезы, власть Владимира в сравнении с властью полностью прошедших процедуру посажения князей изначально имела куда менее легитимный характер³³. Развернутой аргументации, подтверждающей уникальность для псковского летописания того времени формулы, которой описано вокняжение Владимира, А.А. Вовиным также не приведено. В качестве примера, близкой ситуации, когда князь тоже не прошел необходимой церемонии поставления полностью, тоже не целовал креста ко Пскову, и также вскоре оказался вынужден уехать с жалобами о бесчестье от псковичей, исследователь предлагает эпизод 1509 г. с последним князем Пскова Иваном Михайловичем Репней Оболенским³⁴.

С данной позицией сложно согласиться, поэтому вопрос о положении Владимира на псковском столе с точки зрения летописцев и о степени легитимности обретенного им статуса князя Псковского следует разобрать подробнее. А.А. Вовиным приводится пространная летописная формула, описывающая ритуал княжеской присяги и посажения на стол: «И священноиноки и священники и дьяконы выидоша противу его с кресты и соустрекали его у Старого Вознесения и прияха его честно и посадиша его на княжение во святеи Троицы; и крест целовал на вечи по пошлинной грамоте». По словам ученого, это — устойчивая конструкция, повторяющаяся «с вариациями... много раз» и описывающая усложняющиеся «на протяжении XV в.» формы княжеской присяги, сам ритуал которой существует и упоминается уже в XIV в.³⁵ А.А. Вовин приходит к выводу, что упоминаемые в данной формуле элементы в реальности были обязательны и неисполнение какого-то из них ставило под сомнение княжеский статус (что, будто бы, и произошло с князем

Владимиром, поскольку в описании его прибытия данная формула в полном объеме не использована). Однако неизбежно возникающие в таком случае вопросы о том, сколь стабильны элементы формулы, когда именно и при каких обстоятельствах она складывается и фиксируется, а также является ли наличие или пропуск элемента в описываемой событии летописной формуле неопременным отражением того, что данная часть ритуала в таком случае имела или не имела места и в реальности, исследователем поставлены не были.

Рассмотрим, какие формулировки используют летописцы при описании поселения приехавших в город князей на псковский стол в период до 1461 г. В XIV в. известия о приезде на княжение лапидарны, но в тех случаях, когда они все-таки есть, употребляется именно та же формула, которая приведена и в сообщении о приезде Владимира: «и псковичи прияша его честно и посадиша на княжение», или даже просто «...посадиша на княжение». Примерно то же самое мы многократно видим и в первой половине XV в.: применяются эти емкие формулы (встречается даже еще более краткий вариант: «приехал князь ...наместником», «приехал князь ...во Псков» или «...на княжение»), явно заключающие в себе весь объем подразумеваемых действий и смыслов, необходимых для обретения прибывшим статуса псковского князя, власть которого признана городским сообществом — в том числе и целование креста. Это подтверждается и тем, что в некоторых случаях с князьями, известия о приезде которых не упоминали прямо о целовании теми креста, когда князь уже покидает город, указано, что при этом он слагает крестное целование или, напротив, если считает, что скрепленная крестным целованием договоренность оказалась нарушена горожанами, то «возлагает» его на псковичей (об Александре Михайловиче³⁶, Иване Андреевиче, Александре Федоровиче)³⁷, и тем, что есть случаи, когда опять-таки в сообщениях отдельных летописных памятников в связи с вокняжениями отдельных князей о целовании креста упомянуто. Так, в известии ПЗЛ о первом приезде князя Александра Федоровича (1409 г.) сказано, что прибыв на княжение он «крестъ цѣлова ко Пскову» (но этой детали нет в П1Л и П2Л), П2Л же под 1415 г. в отличие от всех иных летописей сохранила известие, что приехавший на княжение и принятый «честно» князь Андрей Александрович «целова крестъ къ псковичем». В последующую четверть века даже отрывистые упоминания о крестоцеловании снова исчезают, скрываясь за устоявшимся кратким вариантом летописной формулы.

Развернутый ее вариант, и сразу же уже весьма близкий к приведенному А.А. Вовиным, в первый раз появляется в сообщении 1443 г. об Александре Васильевиче Чарторыйском, где говорится о поса-

жении «на княжение во святеи Троицы» и о целовании креста «ко всему Пскову по псковской (*вар.* — и на всей псковской) пошлине» приехавшего на княжение и принятого честно псковичами князя³⁸. И это нельзя не связать с уникальностью описываемой ситуации: в первый и последний раз в истории города князя торжественно сажают на княжение не сразу, а только лишь спустя почти полгода после его приезда — по прибытии и в присутствии специально уполномоченного для участия в этой церемонии великокняжеского посла. Посол «поручи княжение» Александру Васильевичу «по слову князя великого», а крест Александр целовал «ко князю великому Василию Васильевичю и ко всему Пскову... по князя великого слову и по его воли»³⁹. Таким образом, впервые развернутая формула, описывающая процедуру посажения на княжеский стол с рядом дополнительных подробностей, появляется в летописании лишь при возникновении необходимости рассказать об исключительном для псковских практик случае одновременного крестоцелования к великому князю и к городу (то, что это летописное известие фиксирует именно некое выходящее за рамки существующей традиции событие, отмечала еще Н.Н. Масленникова⁴⁰)⁴¹. Характерно, что П2Л с ее стремлением к лаконизму, в этот раз также специально упомянув о не имеющем аналогов целовании креста Александром к князю великому и к Пскову (хотя и без прочих составляющих формулы, которую А.А. Вовин предполагает обязательной), в последующих известиях о прибытии князей вновь, как и прежде, ограничивается традиционной краткой формулировкой⁴², П1Л во всех списках (кроме Тих.) по поводу приезда следующего за Александром псковского князя Василия Васильевича лишь сообщает, что псковичи «прияша его честно и посадиша его на княжении во святеи Троицы», но уже снова забывает о крестоцеловании, а в ПЗЛ и Тих. теперь вновь применяется впервые использованная в предыдущем случае пространная формула⁴³.

Интересно также, что в известии о втором приезде и посажении на княжение в Пскове того же князя Александра Васильевича (в 1456 г., на этот раз уже из Новгорода и вовсе без какой-либо санкции из Москвы) в Тих. и ПЗЛ добавляется и следующая новая деталь этой формулы, ранее также отсутствовавшая — «игумены и попы и диаконы с честными кресты», встречая князя, «выидоша противу его»⁴⁴. В работе А.А. Вовина прямо отмечается особая значимость этой составляющей ритуала, без которой вокняжение было неполным. Однако, как бы ни относиться к появлению данного элемента в летописной формуле (напомним, он фигурирует в описании встречи псковичами прибывшего на княжение князя впервые) — отразил ли он возникновение нового, прежде не существовавшего элемента

ритуала вокняжения, был ли включен летописцем в формирующуюся развернутую формулу описания торжественной встречи князя как ранее постоянно опускавшаяся подробность, или просто украсил эту весьма репрезентативную формулу под влиянием текстов предшествующих годовых статей с описаниями торжественных встреч горожанами святителя Евфимия и проезжего князя Ивана Шемяча⁴⁵ — нельзя не указать на то, что в рассказах тех же самых летописей о принятии следующего после Александра Чарторыйского князя-наместника, Ивана Стриги Оболенского, упоминание о встрече со кресты опять исчезает⁴⁶. Хотя нет совершенно никаких оснований считать статус этого чрезвычайно популярного в Пскове⁴⁷ князя на взгляд городского сообщества хоть в чем-то ущербным.

Приходится заключить, что на летописные формулы, описывающие ритуал вокняжения, достаточно сложно опираться как на точные сценарии конкретных происходивших церемоний, где появление в сообщении новых элементов синхронно отражает изменение реалий и включение этих элементов в ритуальную практику, а их пропуск (как в случае с Владимиром Андреевичем) убедительно свидетельствует, что данные элементы на этот раз были пропущены и в самом ритуале. Весьма показательно, что, к примеру, о вокняжении Федора Юрьевича ПІЛ сообщает в стандартных выражениях, включая и известие о том, что псковичи «даша ему всю княжю пошлину», но уникальное сообщение ПЗЛ, что он вопреки традиции получил тогда право держать своих наместников и судить суды не на 7, а на всех 12 пригородах, чего никогда «из веков» не случалось, «колко ни есть княжей бывало во Псковѣ на столу», убедительно демонстрирует, что летописные формулы принятия князя вовсе не обязательно исчерпывающе точны во всех своих элементах, как во включенных, так и в пропущенных⁴⁸.

С учетом сказанного, мнение, что поскольку в известии о приезде Владимира «нет никакого упоминания ни встречи его всем духовенством с крестами, ни посажения на княжение в Святой Троице, ни крестоцелования на вече», то эти элементы не были осуществлены и в реальности, не представляется в достаточной мере обоснованным. А.А. Вовин здесь почему-то цитирует только Тих.⁴⁹, никак не комментируя и даже не отметив, что, как уже сказано, во всех прочих списках ПІЛ кроме Тих. и во всех списках ПЗЛ это, по оценке исследователя, «скупое замечание» «И псковичи прияша его с великой честью» (*вар.* — «с честью», «честно») продолжено фразой «и посадиша его на княжение во Пскове». Собственно, именно этой формулой на протяжении многих предшествующих десятилетий псковские летописцы обозначали легитимное обретение князем власти в городе во всей ее обычной для псковской республики пол-

ноте. Если же в случае с Владимиром вся традиционная процедура посажения на стол вдруг по чьей-то инициативе оказалась полностью отброшена, то нет никакого объяснения тому, почему об этом не сказано специально и прямо ни в этом случае, ни позднее при описании мотивов изгнания князя (где, тем не менее, недвусмысленно указывается, что «с полтора году» во Пскове князь пребывал именно «на столу»⁵⁰).

Такая же ситуация с приведенной А.А. Вовиным «идеальной» пространной формулой наблюдается и позднее: так, к примеру, в описании ПЛ встречи и посажения князя Семена Романовича Ярославского в 1489 г. применена как раз та самая конструкция, которая и предложена ученым в качестве эталонной и для предшествующего периода, и для последующего (заметим, это единственный случай в псковском летописании, когда она использована именно в таком виде), но при этом его преемник Василий Федорович Шуйский спустя два года просто приехал от великого князя «во Псков князем». Принятие двух следующих князей, Александра Владимировича Ростовского и Ивана Ивановича Горбатого описывается по формуле «выидоша со кресты» и «посадиша его на княжении», Дмитрий Владимирович Ростовский вновь только лишь «приехал во Псков», а к Петру Васильевичу Великому опять-таки «выидоша противу его со кресты и посадиша его на княжение у святеи Троицы»⁵¹. Ни целование креста, ни вече, ни псковская пошлина, ни княжая пошлина, которая дается князьям, в связи с ритуалом их посажения ни разу за это время вообще не упоминаются, но вряд ли возможно применить ко всему этому княжившему во Пскове на протяжении двух десятилетий ряду вывод А.А. Вовина о том, что в таких случаях все они не воспринимались городом в качестве полноценных князей. Нет также никаких оснований предполагать, что князья, известия о посажении которых содержат два элемента, чем-то по своему властному статусу в Пскове отличаются от тех, которые просто «приехали».

Следующим в ряду псковских князей, последним из занимавших этот стол, является Иван Михайлович Репня Оболенский. Именно события его приезда и княжения в 1509 г. как сказано выше, предложены А.А. Вовиным в качестве параллели к княжению и изгнанию Владимира, «похожей истории», когда — как и в ситуации с ростовским князем — неперемненные ритуальные действия, включая целование креста, по мнению ученого не были выполнены; Иван Михайлович тоже «не прошел необходимой процедуры поставления» и, следуя построениям рассматриваемой гипотезы, его «вокняжения в глазах псковичей не произошло» (следствием чего в обоих случаях и оказалось быстрое изгнание князей)⁵².

Нарушения «пошлины» и ритуала в случае с Иваном Репней действительно имели место — более того, эти нарушения специально указаны летописцем при описании принятия князя псковичами и позднее повторены в рассказе о его отъезде. Они прямо приведены ПІЛ (Варш. и Пог.): это приезд будущего князя без предварительного извещения горожан о его прибытии и вызванное этим отсутствие его торжественной встречи вне городских стен священниками «со кресты»⁵³, вместо которой успели лишь отслужить молебен уже в городе — у Торга, «да шли ко святеи Троицы, да посадили на княжение оу святеи Троицы»⁵⁴. Тут ничего не сказано ни о наличии, ни о предполагаемом А. А. Вовиним применительно к этой ситуации отсутствии целования креста и «прочих необходимых ритуальных действий». Но вариант с *argumentum ex silentio* здесь неприемлем, поскольку, как было показано, в описаниях приезда в город князей на протяжении предшествующих двадцати лет также ни разу не упомянуто ни крестное целование, ни какие-то иные «ритуальные действия» помимо того же самого посажения на княжение и — лишь иногда — встречи «со кресты».

Свое мнение о том, что власть Ивана Репни не была утверждена целованием креста ко Пскову, А.А. Вовин подкрепляет цитатой из «Повести о псковском взятии» по Пог.: «а то Репня не по крестному целованию оучал во Пскове житии»⁵⁵. Цитату, однако, следует уточнить и привести полностью. В тексте летописи за сообщением, что князь Иван отправился жаловаться на бесчестья от псковичей великому князю, следует: «а тот Репня не пошлиною во Псков приѣхал да сѣл на княжении, а не по крестному целованию оучал во Пскове жити, а не оучал добра хотѣть святеи Троицы, ни моужем псковичем; да тот Репня много зла чинил дѣтем боярским и посадничим»⁵⁶. Конструкция «сѣл на княжении, а не по крестному целованию учал во Пскове жити» может быть интерпретирована вовсе не только как констатация — «начал жить без крестного целования», но и как упрек — «сел на княжение, но начал жить не по нормам [данного им] крестного целования». В том, что скорее верен второй вариант, убеждает следующая фраза: «а не оучал добра хотѣть святеи Троицы, ни моужем псковичем», заставляющая предположить за ней одну из норм скрепленной целованием креста клятвы, которая и была явно нарушена князем — «хотеть добра [во всем] святеи Троице и мужем псковичем» — находящую определенные соответствия в княжеских документах и летописных упоминаниях о присягах⁵⁷. Возможной языковой параллелью тут видится объяснение в наказе апреля 1563 г. послу Афанасию Нагому по поводу князя Дмитрия Вишневецкого, сначала отправленного царем Иваном Васильевичем в Черкасы «на

государство», а затем выведенного им оттуда, так как князь **«учал жити в Черкасех не по указу»**, т.е. стал нарушать данную ему ранее государем инструкцию о порядке управления⁵⁸.

Таким образом, от предположений о том, что из летописных сообщений о приездах Владимира Андреевича и Ивана Михайловича следует вывод о неполноте их властного статуса в городе, связанной с тем, что в отличие от прочих князей они не прошли «необходимой церемонии поставления» и «их княжеская власть не была подтверждена крестоцелованием ко Пскову», а также о том, что именно эта неполнота и стала причиной скорого изгнания этих князей, все же приходится отказаться. Рассказы летописцев об их приезде и о дальнейшем правлении не дают оснований для такого построения: оба князя были приняты Псковом и посажены на стол, как и их предшественники, а в известиях, связанных с их последующим княжением, применительно к ним используются именованья «князь псковский» и «наш князь». Мнение о том, что оба они не целовали креста к Пскову и не совершили неких не названных прямо, но обязательных для обретения князем легитимности «прочих ритуальных действий», также не представляется обоснованным.

Впрочем, предложенная А.А. Вовиным параллель между этими двумя княжениями действительно видится весьма важной, но в несколько ином смысле. Действительно, и тот, и другой князь вынужденно покидают город, находясь в состоянии острого конфликта с городским сообществом, и оба они, как указано в рассказах об их отъездах, ранее прибыли туда с некими отступлениями от «старинны». Что чрезвычайно показательно, сами эти нарушения, в отличие от лишь предполагавшихся исследователями на основании молчания источников отсутствия присяги и неких элементов ритуала посвящения, названы летописцами очень четко: князь Владимир приехал «ни по старине» — не по прошению псковичей, «не зван» ими лично, князь Иван «не пошлиною» — горожане не были извещены о его приближении⁵⁹ и церемония торжественной встречи «со кресты» нового князя у стен города не состоялась. Традиционные летописные формулы, как было показано, вариативны и гибки, их пропуски и дополнения стандартными деталями в обычных для летописца ситуациях находятся в нелинейных отношениях с описываемой реальностью, но в случаях с Владимиром Ростовским и Иваном Репней летописи сообщают именно о данных конкретных обстоятельствах (а не о каких-то неопределенных) как о выходящих за рамки типичного. Это заставляет отнестись к прямо приведенным ими фактам с большим вниманием и с большим доверием.

Другая важная подробность: в обоих описываемых случаях указанные претензии к нарушению традиционных норм повторены

дважды: в известии о приезде князя и в известии, связанном с его вынужденным отъездом. Он, однако, и там, и там случается далеко не сразу же по прибытии, как можно предположить, опираясь на историографию, а только спустя достаточно значимое время (несколько менее полутора лет; примерно год⁶⁰) после вокняжения, и в обоих случаях мотивируется вовсе не исключительно ритуальными или процедурными упущениями, имевшими место еще в момент обретения князем властного статуса, а неприемлемым образом последующих действий псковского князя и его окружения в отношении «изобиженного» им псковского сообщества: «на народ не благ» применительно к Владимиру Андреевичу и «лють до людей», «не учал добра хотеть...», «много зла чинил...» — к Ивану Михайловичу. И эти — тоже прямо названные источником — причины, если учесть, что князья вынуждаются уехать лишь спустя определенное время, видятся точно не менее, а, скорее, даже явно более значимыми: покинуть Псков приходится вовсе не сразу после приезда «не по старине», а только после того, как режим правления данного князя оказался явно неприемлем для города. Это обстоятельство заставляет задуматься: когда именно отступления от «старины» при прибытии князя могли стать особо актуальными для псковского сообщества и для летописца — в сам момент нарушения или уже *post factum* в связи с разрывом Псковом отношений с этим князем.

Третья, но ничуть не менее важная, чем предыдущие, деталь: в обоих этих случаях отвергших их псковичей князья прямо обвиняют перед великим князем в «бесчестьи», параллельно чему в псковских летописях и появляются встречные напоминания о нарушении «старины» при их появлении. Именно «бесчестье» великокняжеского наместника подается и воспринимается обеими сторонами как недопустимое нарушение ритуальной нормы в отношениях Пскова с великим князем Московским, именно оно, а не вполне традиционное на тот момент расставание с не оправдавшим ожиданий князем оказывается «составом преступления» символического характера⁶¹. Характерно, что в случае с Федором Юрьевичем, также уехавшим из-за того, что он перестал устраивать псковичей, со стороны этого князя жалоб на бесчестье не прозвучало (узнав о посольстве в Москву с просьбой о присылке на княжение вместо него вновь князя Ивана Стриги Оболенского, опытный Федор сразу же сам сложил с себя на вече крестное целование и покинул город⁶²) — и не появляется и напоминаний о каких-то нарушениях «старины» при его приезде и посажении⁶³. В ситуации же и с Владимиром, и с Иваном Репней уехавшие из Пскова князья выдвигают против горожан обвинения в «бесчестьи» и в ответ получают обвинения в нарушении

ими самими «старины» и «пошлины» еще при их приезде, что опять-таки вынуждает задуматься о том, когда именно и по какому поводу эти обретшие особую актуальность припоминания включаются в летописные статьи, рассказывающие о прибытии князей. Характерно в этом отношении, что уже в рассказ о «непошлинном» приезде князя Ивана Репни добавляется описывающая будущее реплика «и бысть той князь лють до людей».

С учетом сказанного, вернемся наконец к событиям самого княжения Владимира Ростовского, продлившегося, как мы выяснили, с весны 1461 до начала осени 1462 г. ПЗЛ кратко извещает о ведущемся в это время строительстве, не упоминая связанных с ним лиц. ПЗЛ и ППЛ сообщают о начатом «при князи псковском Володимери Ондрѣвиче и при посаднике степенном Максиме Ларивоновиче» и завершеном «до осени» 1462 г. сооружении нового укрепления — Кобыльего (или Нового) городка «на обидном месте» над Великим озером. По ПЗЛ «князь псковский Володимеръ Ондрѣвич и посадники степенныи, Зиновеи Михайловичъ» также заложили в 1462 г. новое здание храма Козьмы и Демьяна (по ППЛ это делают «сосѣди святого Козмы и Дамияна» — очевидно, имеется в виду, что финансировали и контролировали возведение торжественно заложенной при участии первых лиц Псковской республики каменной церкви ее прихожане). Кроме того, в это время псковичи «поставиша» новый городок на Володчине горе и «нарекoша ему имя Володимерецъ». А.В. Экземплярский задался вопросом — не в честь ли князя Владимира?⁶⁴ — и хотя для ответа положительных данных нет, а лица, причастные к этому строительству, не указаны, но следует отметить повышенную репрезентативность полученного укрепления имени в сравнении с исходным топонимом, который в обычном случае предполагал бы скорее «Володчин». Описанная летописцами реконструкция в этом же году всей западной стены Крома наряду со строительством двух упомянутых крепостей явно отражает масштабную подготовку Пскова к планирующимся военным столкновениям⁶⁵. В целом же княжение Владимира на протяжении 1461 — лета 1462 г., как его отразили местные летописи, вряд ли отличается от княжений в городе прочих князей рассматриваемого периода, о каких-то конфликтах не сообщается, а имеющиеся расхождения в деталях обычны для такого рода известий в этих памятниках.

Развязка подходит к концу 6970 г.: все летописцы дружно сообщают, что «псковичи выгнаша из Пскова князя Володимера Андрѣвича»⁶⁶. О датировке этого сказано выше, сам же факт изгнания князя ничуть не был необычен для тогдашнего Пскова, причем о подобных казусах в летописании традиционно сообщалось имен-

но в такой формулировке, а причины случившегося почти никогда не уточнялись. В нашем случае, однако, появляются уникальные для данных обстоятельств подробности: П1Л и П2Л добавляют, что «сопхнувшие его степени», П2Л и все списки П1Л кроме Тих. определяют это как случившееся «на вечи». Видится значимым то, что во всех вариантах выгнали князя «псковичи», т.е. такое решение (и ответственность за него) приняла все городское сообщество, но сопровождавшие его оскорбительные действия в отношении Владимира летописи, сообщая об этих действиях, приписывают лишь некоей части сообщества: «выгнаша» князя [все] псковичи, «а **иные люди** на вечи с степени съпхнули его»⁶⁷. Тих. дополнительно определяет их так: «иные невѣгласы псковичи, злыя люди». П3Л же вообще предпочитает умолчать о случившемся бесчестии, но о князе, которого выгнали, дополнительно сообщает то же, что включается и в ее известие о приезде Владимира: «а онъ приеха не по псковской старины, псковичи не зван», и добавляет к этому: «а на народ не благъ», т.е. только этот памятник предлагает свои разъяснения причин изгнания.

Показательно, что стремящаяся обосновать и защитить позицию горожан в этой ситуации П3Л одновременно опускает упоминание о причиненном князю Владимиру оскорблении, при этом сохранившие его П1Л и П2Л в свою очередь указывают, что в нанесении бесчестия участвовали только «иные люди», а Тих. к тому же весьма отрицательно их характеризует: само по себе бесчестие князя явно виделось грубым нарушением принятых норм и на взгляд всех псковских летописцев⁶⁸. Ответственность за его унижение возлагается летописцами на отдельных людей, не представляющих всего политического сообщества, а тот из них, который предпочел попытаться оправдать псковичей, решил вообще не вспоминать про явное оскорбление, но указать зато на нарушения «пошлины» еще при приезде самого Владимира.

Далее единство повествования восстанавливается: все летописи сообщают, что князь поехал из Пскова с бесчестием (сильнее прочих не одобряющий случившегося Тих. добавляет «со многимъ бесчестиемъ») в Москву «жаловатися на псковичь». Вслед за ним к великому князю направляется посольство во главе с посадником Тимофеем и рядом виднейших представителей городской знати, а цель посольства сформулирована абсолютно традиционно и не вызывает расхождений у летописцев: «просити князя во Псковь»⁶⁹. Последовательно продолжающая свою линию в интерпретации конфликта П3Л здесь снова уточняет: «просити князя во Псков, по псковской старине, которѣи князь Пскову люб».

По поводу дальнейшего серьезных разноречий нет: по возвращении послы докладывают на вече, что великий князь Иван три дня не пускал их к себе на очи (согласно П1Л — «про своего наместника и князя Владимира Андреевича», которого псковичи «здесь исчезли»; сокращающая все П2Л лишь поясняет, что Иван Васильевич про него «гневь держа», а П3Л — что государь «на Псковь подивиль на свою вотчиноу»), но бояре настойчиво «биша челом», и в итоге Иван принял их челобитье.

В более подробный рассказ П1Л и П3Л включена его прямая речь: «и князь велики отчину свою жалова, псковичь доброволныхъ людей, рече: котораго князя хочете и азъ вамъ того дамъ». Одно это было б возможно трактовать по-разному — и как восстановление Москвой ею же самой перед этим и нарушенной старинной нормы, и как подтверждение Москвой сохранения этой нормы в неизменности вопреки провинности горожан — если бы не представляющееся чрезвычайно важным продолжение рассказа, прямо не связанное уже с судьбой Владимира (о нем псковское летописание больше не упоминает). Великий князь велит послам «явить» это его жалование — «которого князя псковичи хотять и азъ вамъ того дамъ», летописи снова его цитируют — Пскову, и затем «вы же написавъ грамоту да пришлите ко мнѣ з бояриномъ своимъ». Дальнейшие события уточняют, что здесь имелось в виду: после того, как вернувшееся посольство доложило об этом вече, псковичи «на том же времени» отправляют в Москву гонца с грамотой, где написано «просити князя во Псковь Ивана Александровича Звенигороцкаго». 26 марта 1463 г. посланец вернулся и известил вече, что великий князь жалует псковичей и дает им этого князя, а спустя две недели на Пасху в город прибыл уже и сам князь Иван (П1Л и П3Л сообщают о его приезде с применением пространной формулы, расходясь в некоторых элементах, а П2Л просто констатирует, что тот приехал во Псков «на княжение», даже не упоминая, в отличие от своего же известия о прибытии его предшественника Владимира, о приеме нового князя «с честию»).

Таким образом, именно после казуса с изгнанием и бесчестьем Владимира в псковском летописании возникает первый подробный рассказ о процедуре прощения и назначения князя в Псков. Во всех предшествовавших подобным случаям начиная с 1399 г. псковичи слали в Москву послов «просить себе князя» (тут могло быть прямо указано имя, но чаще оно отсутствовало, зато затем такое известие продолжалось сообщением, кого именно там «испросиша»⁷⁰ послы или что великий князь дал им такого-то князя), а потом всякий раз сообщалось уже о его приезде. Здесь же мы ясно видим: послы при-

ехали просить для города нового князя, но при этом не имея на руках уже согласованной и утвержденной на вече готовой кандидатуры — ее не звучит, и сам великий князь, обещая дать любого из князей, которого попросят псковичи, предписывает посольству «явить» Пскову, что горожане должны определиться, кого они хотят, и затем сообщить ему имя кандидата в присланной с боярином грамоте. Поскольку вплоть до 1462 г. в псковском летописании подобная двухэтапная схема выбора и приглашения не встречалась ни разу — дело всегда обходилось одним посольством, за которым следовало уже прибытие князя, — то приходится связать происходящее именно с событиями изгнания Владимира и особо отметить, что процедура предписана новым великим князем в ответ на псковское челобитье и не сопровождается ссылкой на ее старину. Иван Васильевич не спрашивает приехавших о желаемом ими князе и не предлагает послам (весьма, как было замечено, высокопоставленным) сразу же вместе обсудить возможные персоналии и сообщает тут же, не теряя времени зря, сделать какой-то выбор, ему нужен кандидат, который уже будет публично утвержден всем городским сообществом («Псковом») и решение о котором будет зафиксировано в документе. Трудно не согласиться с тем, что это, скорее всего, новация, причем предлагаемая Пскову Москвой именно сейчас, сразу после неприятного для нее инцидента: в противном случае, если бы описанная процедура давно уже являлась бы традиционной, летописцам странно было бы не указать здесь на это при ее подробном изложении. Кроме того, во всех описанных предшествующих случаях просить князей в Москву отправлялись целые посольства во главе с посадниками, а не гонец с грамотой с веча. С учетом всего этого, неизбежно встает вопрос, какой же порядок мог предшествовать этой новации.

Как помним, Владимир Андреевич тоже был прислан на княжение после того, как у великого князя побывало посольство псковичей, причем о том, что оно в соответствии с решением веча или самостоятельно выдвигало в Москве какие-то иные кандидатуры, которые там не приняли во внимание или прямо отвергли, о том, что послы выступали против отправки Владимира, как и о том, что его кандидатура должна была бы сначала быть обсуждена на вече, летописцами (в отличие от историков) также ничего не было сказано. Нет и каких-то подтверждений тому, что князь Владимир навязывался Пскову силой. Более того, нет даже известий о том, что в момент его приезда или вскоре после Псков как-то сигнализировал, что по мнению города присылка этого князя требовала дополнительного согласования и радикально нарушила «старину». Он был «с великой честью» посажен псковичами на княжеский стол, ника-

ких миссий в Москву на эту тему не отправлялось и, судя по всему, вплоть до появления там уже спустя полтора года оскорбленного Владимира Андреевича с жалобами, а сразу вслед за ним и виднейших псковских бояр, прибывших «посольство правити про князя Володимера Ондрѣевича»⁷¹, вопрос о неких серьезных нарушениях при его отправке на княжение принятых в отношениях Пскова с великим князем норм на официальном уровне никем не поднимался.

Если судить по рассмотренным сообщениям, в сложившейся конфликтной ситуации с изгнанием Владимира ни исключительность действующих отчинных прав великого князя Московского в отношении Пскова, ни наличие у псковичей привилегии просить у него и получать себе князя по своему выбору никем не ставились под сомнение, не обсуждается, собственно, и их возможность расстаться с неудобным князем: Москва не требует восстановления статуса Владимира и его возвращения и не устраивает разбирательства между ним и псковичами. Речь идет только о происшедшем бесчестьи великокняжеского наместника, недопустимость чего уже заранее признается обеими сторонами. А та предотвращающая в будущем подобные эксцессы новая процедура, которая согласно П1Л и ПЗЛ была в итоге предписана Пскову Иваном Васильевичем для согласования и утверждения кандидатур последующих князей, и реальность действия которой именно начиная с этого момента подтверждает целый ряд последующих летописных известий, свидетельствует: хотя известие о претензиях горожан по поводу присылки Владимира без их выраженной воли появляется лишь в созданной заметно позже описанных событий ПЗЛ (с важной для нее сквозной темой постоянных московских вторжений в псковские «старины»), некие упреки по поводу недостаточной на взгляд псковичей легитимности выбора кандидатуры присланного из Москвы ростовского князя осенью 1462 г., видимо, действительно прозвучали (во всяком случае — как одно из оправданий уже случившемуся) и были всерьез восприняты московской властью⁷².

Как видим, проблематика, связанная с соответствующим по представлениям сторон сложившейся традиции порядком выбора и приглашения князей из Москвы, резко актуализировалась вовсе не в процессе назначения и приезда Владимира, а именно в ходе конфликта из-за его бесчестья — т.е. полтора годами позднее. Отвечая на вопрос о том, каким же, собственно, мог быть порядок, действовавший до этого, касающаяся проблемы историография склонна либо без каких-то подробностей говорить о псковской «старине», подразумевая ее близость новгородской «вольности в князьях» (понимаемой при этом тоже весьма обобщенно, вне какой-то хроноло-

гической и политической конкретики), либо реконструировать ее, в значительной мере опираясь на летописные сообщения о князьях, приглашаемых на княжение в Псков уже после Владимира Андреевича. Однако, как только что показано, имеются достаточные основания полагать, что именно драматичное изгнание ростовского князя как раз и привело к трансформации существующих практик, к установлению нового порядка в этой сфере отношений с великим князем, за которым теперь внимательно следит городское сообщество и соблюдение элементов которого теперь старается фиксировать и летопись. Для уточнения возникающих вопросов попытаемся в самом общем виде рассмотреть, что известно о том, как выбор и приглашение Псковом князей происходили во время, предшествующее приезду Владимира.

Данные, относящиеся к XIV в., не дают достаточно ясного представления о проблеме из-за своей неполноты, краткости и хронологической отдаленности. К тому же есть четкий рубеж, когда после длительного периода приездов в Псков князей из Литвы псковичи перешли к интересующей нас практике прошения князей у великого князя Московского: в 1399 г. посольство Луки Совкиничина в Москве «испросиша себѣ князя Ивана Всеволодича, Александра Тверского внука» и тот «приеха» в Псков (формулировка Син.: «и, испросивше, приведоша к себѣ князя Ивана...»). В целом можно отметить, что в летописных известиях за 1399—1461 гг. имеются три варианта сообщения о выборе и получении князя Псковом: отправленные псковичами «просить князя» (без указания имени кандидата) послы получают в Москве у великого князя кого-то конкретного; псковские послы едут просить именно конкретного князя и тот затем присылается; наконец, только сообщается о приеме от великого князя некоего конкретного князя. Любые детали процедуры выбора, утверждения и согласования псковичами кандидатур, а также сообщения о каких-то внутриспсковских или внешних противоречиях по их поводу в летописании отсутствуют⁷³. Краткость известий и традиционность описывающих реальность формул оставляют простор для самых разных предположений в этой сфере — как показано выше, летописцы были весьма свободны в выборе степени подробности сообщения и могли опускать указания на те итерации или перипетии, которые казались им малозначимыми или не получали продолжения в дальнейшем. Однако есть ряд веских аргументов против господствующих в историографии предположений, что в это время уже действует та же самая практика неперемennого предварительного выдвижения и согласования на вече кандидатур всех запрашиваемых затем в Москве и получаемых оттуда князей, какую рисуют

летописи после инцидента с Владимиром. Как уже сказано, за все это время ни разу не сообщается о двух посольствах в процессе утверждения кандидатуры: всякий раз поездка в Москву имеет итогом присылку некоего князя. Лишь после 1462 г. появляются первые упоминания о ситуациях, когда князей, которых персонально попросил себе Псков, оказывается нельзя прислать (по разным причинам — из-за их кончины или из-за их «нужности» великому князю), что вынуждает отправлять новое посольство с новыми кандидатурами, а также случаи, когда прямо сказано о вариативности запрашиваемых в Москве кандидатур.

Особое значение для рассматриваемого вопроса, имеет, как видится, уже упомянутый казус с князем из Суздальского дома Борисом Васильевичем: в ноябре 1435 г. тот «приеха во Псков, и псковичи прияша его, чаяхоуть его приехавша от князя великого наместником». Однако затем усомнившиеся, видимо, в его полномочиях горожане отправили в Москву послов. В результате Бориса «выпроводиша» из Пскова «по великого князя словоу, зане же онъ пролгался», а участвовавший в посольстве князь Владимир Данилович был легитимизирован Василием Васильевичем («отпусти на княжение от себѣ наместником») и после возвращения послов из Москвы в апреле 1436 г. занял псковский стол⁷⁴. Для обсуждаемой темы видится чрезвычайно важным, что за великокняжеского наместника в Пскове смогли принять (и поселить на княжьем дворе, а в Тих. даже прямо сказано, что «псковичи же прияша его честно и посадиша его на княжении») князя, судя по всему, не обладавшего этим статусом и уж явно не являвшегося тем, кого ранее по воле веча персонально попросило для города и получило в Москве псковское посольство. Вряд ли такая ситуация вообще могла бы возникнуть, если бы до 1461 г. «ис старины» на княжение в Псков из руки великого князя попадали исключительно те князья, которых псковичи уже избрали себе на вече.

Предполагаемая историографией применительно к «довладимирскому» периоду первой половины — середины XV в. практика получения из Москвы всякий раз конкретного князя по решению веча неизбежно требовала бы наличия у горожан необходимых для принятия такого решения сведений об имеющихся в свободном распоряжении великого князя в данный, чаще всего наставший неожиданно, момент статусных кандидатах (термин «наместник» здесь не должен вводить в заблуждение, заняв княжеский стол в Пскове мог только обладающий титулом и необходимыми возможностями, личными качествами и статусными свойствами князь, а число таких со всей неизбежностью было весьма ограничено, более того — не-

редко их могло сразу и не найтись под рукой) и об их достоинствах и недостатках. Заметим, однако, что очевидные и весьма серьезные сложности с оперативным получением таких сведений для Пскова понятным образом связаны с его удаленностью от Москвы: выяснение ситуации с кандидатурами, их согласование и утверждение оказывается в таких обстоятельствах непростой многоэтапной задачей.

Проанализируем в этом свете случаи 1399—1461 г., позволяющие предполагать те мотивы, по которым псковское посольство просит себе в Москве конкретного князя (когда об этом прямо сообщается в летописях). Первое приглашение, когда князем стал Иван Всеволодич, объяснимо в свете роли, которую в истории Псковской республики сыграл его дед великий князь Александр Тверской: возможность получить незадолго до этого с шумом «отъехавшего» с Твери к великому князю Василию Дмитриевичу внука знаменитого князя (что специально отметили псковские летописи) явно должна была показаться заманчивой Пскову, к тому же Иван еще и был с 1397 г. женат на великокняжеской сестре — дочери Дмитрия Донского. Испрошенный в Москве псковскими послами брат великого князя Константин также явно был широко известен, а его родственник по отношению к самому Василию Дмитриевичу статус весьма значим для города (и при этом уравнивал Псков с Новгородом, куда нередко направлялись великокняжеские братья, в том числе в 1399 г. Андрей Дмитриевич), поэтому псковичи охотно просят и принимают его на княжение и даже приглашали потом еще раз. Спустя некоторое время послы испросили для Пскова Федора Ростовского — его брат Андрей уже княжил там перед этим, а затем дважды приглашают персонально Александра Ростовского, который также был хорошо знаком горожанам, поскольку ранее уже занимал псковский стол. Владимир Данилович — сын прежнего псковского князя Даниила и зять того же 12 лет княжившего в Пскове Александра Ростовского в 1434 г. был уже прекрасно известен попросившим о нем псковичам. Наконец, также данный по псковскому челобитью лично о нем и посаженный на княжение 23 марта 1460 г. Иван Стрига Оболенский, судя по всему, приехал в Псков еще до того — вместе с великокняжеским братом Юрием, или, скорее, вслед за тем из соседнего Новгорода, куда московские князья и бояре прибыли с великим князем двумя месяцами раньше. Таким образом, у псковичей было достаточно возможностей разузнать о нем и предварительно обсудить это, прежде чем просить именно его на княжение (к тому же о прославившемся в 1456 г. военной удачей при взятии Русы князе они явно слыхали и прежде). Характерно, что об Иване бьют челом не послы, а посадники и «весь Псков», поскольку его испра-

шивают в самом городе у уже находящегося там великокняжеского сына Юрия⁷⁵.

Сходные и при этом вполне понятные закономерности: персональное приглашение преимущественно тех князей, которые сами — или их родичи, как, например, в случае с Иваном Бабой Друцким, сына которого Ивана Баби́ча затем в 1470-х годах трижды просят псковичи⁷⁶ — ранее княжили или бывали в Пскове, и которые при этом могли быть уже известны псковскому сообществу, так как действовали в географической близости (в Новгороде или иных соседних пунктах — допустим, в Великих Луках, как, судя по всему, Иван Владимирович Лыко Оболенский), можно заметить и вне рамок взаимоотношений Пскова по этому вопросу с великим князем (во времена обострения в Москве династических конфликтов на псковском княжении появлялись и князья не из под его руки), и в известных ситуациях прошения себе конкретных князей после 1461 г. И случай с выбором преемника князя Владимира на псковском столе Ивана Александровича Звенигородского как раз подтверждает это правило: судя по имеющимся данным его биографии, он, скорее всего, не мог быть заранее хорошо известен Пскову, поэтому для того, чтобы сначала узнать в Москве о наличии его кандидатуры, а затем принять ее и утвердить, как это было предписано великим князем, направляемым тому общим решением и понадобились два посольства (второе, собственно, уже скорее техническое: «правившего» это посольство Юшку Фоминича Велебина летописцы даже именуют «гонцом»).

В результате, однако, вне нашего обсуждения остался ряд князей 1399—1461 гг., тоже приехавших в Псков как наместники великого князя и затем княживших там, но о которых до их приезда псковичи скорее всего вряд ли могли иметь какое-то внятное представление. Их можно перечислить: это Данила Александрович (о происхождении и о деятельности которого до 1400 г. вообще ничего не известно); Александр Федорович из Сретенской ветви Ростовского княжеского дома (применительно к его первому приезду в город в 1409 г.) и представитель другой ветви этого дома — Борисоглебской — Андрей Александрович (ростовские князья обеих ветвей до них не появлялись на северо-западе уже немало десятилетий); сын отбегавшего пятнадцать лет назад из Литвы в Москву князя Федор Патрикеевич; уже упоминавшийся Борис Васильевич Суздальский; Александр Васильевич Чарторыйский, бежавший из Литвы и перед первым приездом в Псков, недолго побыв на кормлении в Суздале, включившийся в московские внутрдинастические конфликты⁷⁷; наконец, сам Владимир Андреевич Ростовский, о котором псковичи

чам могло быть известно лишь то, что его отец очень недолго и не очень удачно княжил у них 45 лет назад в совсем иной политической реальности.

Уточним, какие сведения о появлении этих князей есть в псковском летописании. Данила Александрович приезжает в Псков «от великого князя наместником» и о том, что псковичи ранее попросили у Москвы именно этого князя, не говорится, — нет и вообще известия об отправке послов, как не сообщается ничего и о псковских посольствах перед приездом Андрея Ростовского, Бориса Суздальского и Александра Черторыйского. Относительно двух последних вероятность того, что за ними персонально направлялись послы, явно невелика: о показательном случае Бориса Васильевича уже было сказано, а по поводу первого приезда князя Александра еще Н.Н. Масленникова предположила, что он прибыл «по-видимому, без просьбы псковичей»⁷⁸. Конечно же, строить гипотезы лишь на основании отсутствия сообщений нерационально: известия об отправке послов и о деталях их переговоров в Москве могли быть просто опущены. Однако упоминания о посольствах, после которых на псковское княжение прибыли трое других князей из предложенного списка, имеются. В Син. о появлении Александра Ростовского рассказывается так: «послаша псковичи Федоса посадника и Юрья Винкова Тимофеевича бити чолом князю великому и просити собѣ князя; и дасть им князя Александра Федоровича Ростовского; и приеха во Псковъ месяца септевриа въ 26 день, и пьсковичи приаша его честно»⁷⁹, и в данном случае наиболее вероятным выглядит предположение, что кандидатура ранее никак не попадавшего в поле зрения псковичей ростовского князя возникла только в Москве и, следовательно, предложена великим князем, а послы принимают его предложение. П1Л лишь сообщает о приезде Александра, не уточняя предшествующих событий. ПЗЛ уже использует стандартную конструкцию: «послаша псковичи послове к великому князю Василью Дмитреевичю, Гюргя Винкова с дружиною, и испросиша себе князя Олександра Федоровича; и приехаше князь Олександръ от великого князя во Псков, и приаша его псковичи честно и на княженье его посадиша, месяца септября 26...» Если бы не приведенное только что выше известие самого раннего из дошедших до нас списков, Син., то одна эта стереотипная формулировка ПЗЛ — позднейшей из псковских летописей — уже не позволяла бы с уверенностью предполагать, была ли кандидатура Александра предписана посольству псковичами, или же послы согласились на нее только лишь в Москве. И здесь особенно интересно, что тот же самый вариант формулы, который применительно к Александру мы видим в

более раннем Син., встречается там же еще только один раз, причем теперь в отношении как раз другого из оставшихся в нашем перечне князей, Федора Патрикеевича: «псковичи послаша къ князю великому Василию Дмитриевичю Феодосиа посадника и боярь князя просити на Псковъ» и, как и в случае с Александром, князь великий «дасть на Псков князя Феодора Патрикеевича»⁸⁰. Как уже было сказано, сообщение всех трех псковских летописей о просившем князя посольстве, которое предшествовало приезду Владимира Ростовского, также не содержит сведений о том, что псковичи или псковские послы выдвигали какую-то конкретную иную кандидатуру.

Таким образом, напрашивается вывод, что реальная (а не декларируемая горожанами в ситуации встречных обвинений) «старина», бытовавшая в первой половине — середине XV в. применительно к получению Псковом становящихся великокняжескими наместниками князей из Москвы, допускала оба варианта: и приезд известного городу князя, о котором именно и ездило просить посольство, и просьбу дать князя, когда достаточно знакомого псковичам, приемлемого для них и при этом готового выехать к ним на княжение кандидата в поле зрения городского сообщества не обнаруживается. Во втором случае великий князь подбирал и присылал того, кого имел «под рукой» и считал возможным. Разумеется, его кандидатура могла предварительно обговариваться великим князем с послами, но возлагать всю ответственность на них для города имело мало смысла, ведь предлагаемый претендент нередко был совершенно им неизвестен (и в момент посольства мог находиться даже вне Москвы). Видимо, в реальности псковичи сажали такого нового князя на стол и сами определяли, насколько он для них приемлем и «люб»: впоследствии он мог заручиться их поддержкой и оказаться весьма популярным, неоднократно приглашаемым на княжение — как Данило Александрович или Александр Федорович — а мог не ужиться с горожанами и весьма быстро уехать сам или быть изгнан. Эта возможность, оставляющая свободу рук для Пскова, значила для поддержания баланса между внешнеполитической ориентацией на Москву и сохранением независимости города куда больше, чем право выдвигать и одобрять кандидатов из находящихся в распоряжении великого князя князей. Вероятно, второй сценарий с изгнанием как раз и описывает происшедшее в случае Владимира Андреевича: то, что он прибыл не по персональному приглашению псковичей, стало крайне значимым вовсе не в момент его появления в городе, а позже, спустя полтора года и уже в ситуации взаимных тяжких обвинений. То, что он оказался «на народ не благ», заставило вспомнить и придало особый вес и тому обстоятельству, что полтора годами ра-

нее он появился не по «псковскому прошению» о нем лично. В противном случае — если бы князь сумел показать свою ценность для города и способность искать с его жителями общий язык — эта подробность его появления, вероятно, и не попала бы на страницы летописей.

Разумеется, тут следует принимать во внимание и то, что восстановлению тесных отношений Пскова с великим князем Московским, происшедшему в 1460 г. — за год до присылки Владимира, предшествовал достаточно длительный период начала второй трети — середины XV в., когда псковичи даже и без собственной к тому воли обрели гораздо больше гибкости в отношениях со своими князьями, поскольку в это время из-за постоянных вспышек борьбы между претендентами на великое княжение Москве чаще всего было совсем не до псковских дел. Большую часть этого беспокойного периода в Пскове княжили князья, лично приглашенные или самостоятельно принятые псковичами — как из-под руки великого князя, так и без его ведома. Кто-то из них легитимизировался в качестве его наместника *post factum*, а некоторые и вовсе обходились без этого, причем с 1448 по 1460 г. такая сложившаяся явочным порядком практика уже была непрерывной. Подобное положение дел, конечно же, подталкивало к тому, что в отношении получения Псковом князей «старина» в ретроспективе из начала 1460-х годов с псковской и с московской точек зрения могла видеться уже не вполне сходным образом. Однако то, что такое расхождение оптик выявилось и стало предметом взаимного псковско-московского обсуждения лишь спустя полтора года после вокняжения Владимира, уже вследствие резкого разрыва псковичей с ростовским князем, убедительно демонстрирует: если это обстоятельство и сыграло какую-то роль среди прочих спровоцировавших разрыв факторов, то в любом случае его роль была вовсе не первостепенна.

В результате неизбежно вырастает значимость вопроса о причинах конфликта Владимира с городским сообществом. Конечно же, реплика летописца о том, что князь, как выяснилось, оказался «на народ не благ», имеет здесь чрезвычайно важное значение. Вместе с тем, видится уместным рассмотреть данный сюжет и в иных доступных аспектах. Выше уже говорилось об историографической традиции, рассматривающей появление Владимира Ростовского на псковском княжении как новый, продуманный и при этом весьма решительный и важный шаг в деле подчинения псковской государственности Москвой. Основой такому мнению, собственно, является лишь само появление этого князя в Пскове, как оно описано ПЗЛ. Впрочем, к уже изложенным выше сомнениям в том, что от-

правляя в Псков после того, как псковское посольство попросило дать им князя вместо уехавшего Ивана Стриги, именно Владимира Андреевича, великий князь Василий Васильевич заранее предположил, что такое назначение станет для псковичей резким нарушением норм существующей традиции, но уверенно просчитал, что в имеющихся обстоятельствах они принуждены будут с ним смириться и в результате эту традицию удастся навсегда сломить, можно добавить еще ряд наблюдений. Вряд ли столь опытный политик, каким, вне сомнений, был Василий в конце своего правления, мог бы принять решение о назначении наместника в далекий Псков с одной лишь провокативной целью, не предполагая в случае удачи его дальнейших реальных действий по установлению московской власти над подчинившейся республикой, а также возможности эффективных контрмер, если этот план вдруг сорвется и псковичи откажут Владимиру. Но упоминаний о попытках этого князя каким-то образом изменить в интересах Москвы и с опорой на ее политический ресурс механизмы функционирования псковской власти рассказ о княжении Владимира вроде бы не содержит, «на народ не благ» — это все же описание обычных наместничьих злоупотреблений, а не целенаправленная трансформация существующих политических институтов. Если же великий князь ставил целью одно лишь изменение порядка назначения наместника для усиления в будущем своей роли в этой процедуре, то в случае такой миссии ростовский князь, избежав столкновения при приезде, для закрепления достигнутого успеха должен был бы затем чрезвычайно лояльно вести себя в городе, избегая любого возмущения, а уж тем более такого, которое в итоге произошло. Никакого же запасного плана в случае конфликта из-за Владимира в Москве, как видно из источников, не имелось: его «бесчестье» практически сразу же прощено, а претензии Пскова удовлетворены без каких-либо встречных санкций⁸¹.

Не раз высказывавшееся мнение, что изгнать приехавшего не по старине князя псковичи хотели уже с самого начала, но им мешал некий страх перед Василием Васильевичем, а кончина великого князя в марте 1462 г. наконец-то развязала городу руки⁸², сложно принять по одной причине: новость о смерти Василия достигла Пскова почти за полгода до того, как Владимир был изгнан. Если бы острое напряжение возникло еще с его приездом, оно должно было вырваться наружу сразу же, уже весной 1462 г., чтобы попытаться успеть использовать ситуацию перехода власти в Москве. Но этого также не происходит. Конфликт с новым великим князем — а жесткость реакции на случившееся молодого Ивана Васильевича было сложно предугадать — явно противоречил интересам Пскова, который после за-

ключенного благодаря содействию Москвы с ливонскими городами пятилетнего перемирия, как говорилось, укреплялся и готовился к невозможным без великокняжеской поддержки дальнейшим акциям по расширению влияния в тех регионах, где псковское освоение наталкивалось на сопротивление со стороны ливонцев⁸³.

В целом, гипотетические построения, приписывающие Владимиру роль приближенного к Василию Васильевичу доверенного и деятельного агента великокняжеской политики и характеризующие его появление в Пскове без приглашения городским сообществом как весьма значимый агрессивный и тонкий ход Москвы, а его изгнание — как направленный против усиления московской власти ответный удар, основаны, кажется, не столько на данных источников, сколько на интерпретации известного сквозь призму будущих событий середины 1470-х — 1510 г. Однако, судя по летописному известию о январском посольстве 1462 г. Федора Челядни, Федора Белеутова и Степана Бородатого в Новгород от князя великого «многа замышления», которое вызвало возмущение новгородцев, во время княжения Владимира Андреевича фокус московской внешней политики в регионе был направлен никак не на далекую Псковскую землю⁸⁴. Если бы уже в 1461 г. действительно планировалось приступить к полному подчинению Пскова, установив контроль над его внутренней политикой и начав деконструкцию его институтов власти, то не было никакого смысла отзываться пользующегося доверием горожан и опытного Ивана Стригу Оболенского, вскоре блестяще решившего на посту ярославского наместника сходную задачу инкорпорации в структуру великого княжества Московского присоединяемого Ярославля⁸⁵.

Более вероятным видится, что для Москвы ситуация бесчестья статусного представителя великого князя в политически значимом центре Северо-Запада Руси, отношения с которым, особенно ценные в свете развивающегося московского давления на Новгород, только начали вновь налаживаться, оказалась не заранее ожидаемым в качестве возможного этапом многоходовой политической комбинации, а, скорее всего, неприятной и неуместной неожиданностью. Ее острота сглаживалась лишь тем, что псковское посольство сразу же заявило о желании полностью сохранить тесные связи с великим князем, а случившееся, судя по всему, предпочло объяснить совокупностью процедурных упущений, приключившихся при назначении наместника еще во время предыдущего великого княжения, административных просчетов самого князя Владимира и грубости «иных невегласов злых людей». Если исходить из мягкой реакции Ивана Васильевича на этот инцидент, то такая трактовка устрои-

ла Москву, которая не стала принимать никаких мер к Пскову «пр князя бесчестье», лишь выказав послам особую озабоченность случившимся и предложив на будущее детальную процедуру, защищающую от подобных недоразумений. В отношении же московской политики в северо-западном регионе в 1460-е годы особую разницу в том, представлял ли великокняжескую власть в Пскове Владимир Андреевич Ростовский или Иван Александрович Звенигородский, сложно предположить.

Все это, однако, еще не позволяет в нужной мере охарактеризовать самого неудачливого псковского князя, а также не дает нам достаточно оснований для сопоставления Владимира с другими княжившими в Пскове великокняжескими наместниками, чтобы стало возможно увереннее определить место рассматриваемого эпизода в его биографии и в отношениях Москвы и Ростова, а также уточнить ту роль, которую княжение Владимира Андреевича сыграло в развитии политического устройства Псковской республики. Поэтому следует, наконец, уделить внимание и личности обсуждаемого деятеля.

Родившийся где-то во второй половине XIV в. (до 1393 г.) отец Владимира Андрей Александрович с 1404 г. был правящим ростовским князем, возглавив младшую, Борисоглебскую ветвь Ростовского дома. Совместно с князьями его старшей ветви, Сретенской (сначала Андреем Федоровичем, а затем Федором Андреевичем), Андрей до конца второй половины 1410-х (возможно, даже до начала 1420-х годов⁸⁶) чеканил в Ростове монету со своим именем на одной из сторон. В 1415—1417⁸⁷ гг. Андрей Александрович, как затем и его сын Владимир, княжил в Пскове, но тоже был достаточно быстро изгнан псковичами и вернулся в Ростов. Когда именно князь Андрей умер и как именно власть над принадлежавшей их ветви Борисоглебской половиной города перешла от него к Владимиру Андреевичу⁸⁸, в точности неизвестно, но отсутствие данных о княжении в Ростове старших братьев Владимира (в том числе — самого старшего, Ивана, оставившего сыновей), позволяет предполагать и то, что правление их отца могло быть относительно долгим, и то, что в период династической борьбы внутри Московского княжеского дома власть Борисоглебской ветви в Ростове на какое-то время могла прерываться. Во всяком случае, к 1458 г. там княжит уже Владимир: в надписи на кресте, поставленном в Ростове на могиле скончавшегося 7 ноября 1458 г. сына великокняжеского дьяка Степана Бородатого, Владимир Андреевич Ростовский назван вслед за великим князем Василием Васильевичем как правящий в городе князь⁸⁹.

Помимо псковского летописания, летописи прямо упоминают об этом князе лишь однажды: зимой 1473/74 г. «князи Ростовские»

Владимир Андреевич вместе с двоюродным братом Иваном Ивановичем и всеми их детьми и племянниками продают великому князю Ивану Васильевичу «свою отчину половину Ростова со всемъ»⁹⁰. Главой этой территориально-генеалогической корпорации — Борисоглебской ветви Ростовского дома, потомков зятя Ивана Калиты Константина Васильевича, которые владели Борисоглебской стороной Ростова, и последним в перечне княживших там ростовских князей этой ветви предстает Владимир и в позднейших источниках⁹¹. Прямых упоминаний, где бы содержались какие-то дополнительные сведения о нем, больше не обнаруживается⁹², но известно, что вплоть до самого конца правления Василия Васильевича за ростовскими князьями Борисоглебской ветви сохраняется их часть княжеской власти в отчинном городе, другой половиной которого в то время уже владеют великие князья. По духовной Василия, умершего 27 марта 1462 г., Ростов со всеми принадлежавшими в нем великому князю полномочиями и с его селами там получает великая княгиня Мария. При этом согласно акту после получения города ей прямо запрещалось вступаться в то, что там держали и держат «князи ростовские», т.е. в их права, связанные с их половиной Ростова, которая остается за княжащим в это самое время в Пскове Владимиром Андреевичем и его «братией» и которую он спустя почти 12 лет вместе с той же «братией» продаст⁹³.

Итак, и до 1461, и после 1462 г. Владимир — владетельный ростовский князь, и пусть другая часть Ростова (а также, что очевидно, «старейшая» власть в княжении и право сношений с Ордой) уже принадлежит в это время Москве, но его положение как правителя отчинной половины крупного города и тянущих к тому наследных земель — хотя и находящегося в определенной политической зависимости от великого князя — весьма высоко в сравнении с многими другими потомками княжеских династий Северо-Восточной Руси, которые к тому времени уже давно утратили со своими родовыми столами всякую связь и которых некоторые источники именуют «сельскими» или «сельными» князьями⁹⁴. То, что Владимир, являясь владетельным князем в Ростове, одновременно садится на псковский стол, не должно смущать: его отец Андрей, судя по всему, точно так же княжил в Пскове, сохраняя при этом за собою и передав затем по наследству сыну тот же самый статус владетельного князя и, видимо, не прекращая чеканки монеты (во всяком случае, на данный момент не известны ростовские денги, выпущенные от имени иных представителей его ветви в это время). Другое важное замечание: за рамками, собственно, краткого правления Владимира Андреевича в Пскове на протяжении всего великого княжения Ва-

силія Васильевича нет никаких иных данных, отражавших бы его присутствие или отсутствие любых ростовских князей его ветви на службе великому князю, ни на административной, ни на военной⁹⁵. Это продолжается и дальше — вплоть до продажи их половины Ростова⁹⁶ и даже некоторое время спустя: при дворе Ивана Васильевича можно увидеть с 1490-х годов лишь уже сыновей и племянников Владимира, причем сразу же достигающих весьма высокого уровня служебных назначений.

Таким образом, Владимира Ростовского к 1461 г. вряд ли можно причислить к служебным князьям в понимании данного термина применительно к XV в., во всяком случае, его отличия от обычных представителей этой категории очевидны: он — наследный владетель половины стольного города, на которую не распространяется в полной мере великокняжеский суверенитет (что подтверждается и продажей — т.е. договорным, юридически равноправным и возмездным характером последующей передачи этой половины в 1473/74 г. великому князю), при этом и он и его сородичи не фиксируются тогдашними источниками на великокняжеской службе⁹⁷. К тому же нужно иметь в виду, что присутствующее в историографии соотнесение княжения Владимира на псковском столе с таким распространенным видом службы великому князю, как обычное городское наместничество в административных центрах земель великого княжения Московского, не может быть признано минимально корректным. Городской наместник в первой половине — середине XV в. это не предполагающая никакой самостоятельной политической роли должность, которую могли занимать и служебные князья, и представители боярских родов, и назначение на которую и лишение которой зависело только от великого князя. На псковский же княжеский стол на всем протяжении XIV — начала XVI в. мог претендовать лишь обладатель княжеского титула, а два наместника-боярина впервые были впервые демонстративно поставлены в Псков как раз в момент ликвидации его независимости — именно для того, чтобы показать, что с существованием там собственного стола навсегда покончено; не было, разумеется, у жителей обычных городов великого княжества Московского и права путем прямых сношений с великим князем менять не устроивших их или приглашать наиболее приемлемых для себя великокняжеских наместников. Не могли обычные наместники — в отличие от псковского князя — и иметь собственных «княжих» бояр, обладающих административной властью в управляемом ими городе⁹⁸, или ставить собственных наместников на его пригороды⁹⁹.

Тут же можно привести и еще одно наблюдение по поводу занимавших псковский стол из руки великого князя предшественников

Владимира. Ни один из них на протяжении всей первой половины XV в. вовсе не принадлежал к числу постоянно находившихся на московской службе деятелей, близких к великому князю и являвшихся проводниками его политической воли. Все, кто направлялся Василием Дмитриевичем на княжение в Псков, были достаточно автономны в политической системе великого княжения Московского, хотя и обладали при этом весьма значимым политико-генеалогическим статусом: Иван Всеволодич быстро уехал обратно в Тверскую землю, Данила Александрович, изгнанный с псковского стола, тоже вовсе не возвращается к великому князю, а уходит на службу Новгороду, Константин Дмитриевич руководствуется собственными династическими интересами и, как знаем, в случае чего идет на серьезный конфликт со старшим братом, быстро покинувший Псков Федор Патрикеевич — сын литовского князя, выехавшего на службу Василию, а ранее служившего и Новгороду. Ростовские князья в первой трети XV в., разумеется, пребывали в сфере влияния Москвы и принимали участие в некоторых ее военных акциях (авантюра в Двинской земле 1397 г., походы братьев великого князя во втором десятилетии XV в. против защищающих свои права на Нижний Новгород суздальских князей), но степень их вовлеченности в великокняжескую политику трудно даже сравнивать с такими кланами служебных князей этого периода, как Стародубские или Оболенские. О появлениях в Пскове Бориса Васильевича, Владимира Даниловича и Александра Васильевича уже говорилось: всякий раз со своими особенностями, они, однако, тоже вовсе не были продолжением какого-то целенаправленного московского администрирования в отношении республики, а все время определялись приключившимся случаем: псковский стол в ответ на просьбу псковичей необходимо было занять кем-то достойным, но ни Василий Дмитриевич, ни его сын в первой половине — середине XV в. явно не стремились отпустить на это княжение кого-то, кто был бы ценен и значим для Москвы в служебном — военном и административном смысле. Единственным исключением, собственно, был непосредственный предшественник Владимира, Иван Стрига — но он был испрошен псковичами тогда, когда и так уже находился в Пскове, и быстро покинул город, выполнив поставленную перед ним задачу.

С учетом всего вышесказанного, полагаем, что полное молчание летописей о Владимире Андреевиче на протяжении его 50-х годов XV в. и в период между осенью 1462 и 1473/1474 гг. проще всего объяснить тем, что на протяжении этого времени — о чем, собственно, свидетельствует и запись 1458 г. на ростовском кресте Степана Бородатого — князь находился не на московской службе (где представитель

знати его уровня должен был бы регулярно получать соответствующие своему статусу придворные, воеводские или административные назначения, так или иначе отражавшиеся в источниках), а пребывал вне этой службы, в своем Ростове, управляя отчинной половиной города и возглавляя там своих сородичей из Борисоглебской ветви, также не фиксирующихся в рассматриваемый период среди служебных князей.

Важным для рассматриваемой темы представляется также то, что ни Владимир Андреевич, ни вообще ростовские князья ни разу ни в каком качестве не упомянуты среди участников многочисленных военных столкновений эпохи династических войн 30-х — начала 50-х годов XV в., нет их и в перечне погибших во время Суздальского боя. С одной стороны, это позволяет уверенно заключить, что как корпорация они совершенно точно не были непримиримыми противниками Василия Васильевича, а, напротив, с учетом сохранения за ними их отчин и статуса после 1453 г., в этот период были нейтральны или, скорее, как правило, принимали его сторону. С другой — из этого следует вывод, что и его приближенными соратниками или деятельными и значимыми в военном отношении союзниками этого великого князя их тоже нельзя было бы назвать. Все вместе подталкивает к мысли, что ростовские князья Борисоглебской ветви не только не смогли оказать какого-то заметного воздействия на ход тогдашних конфликтов между князьями Московского дома, но даже не сумели или практически не пытались тогда организовать эффективной защиты собственных владений, прямо на территории которых в это время регулярно происходили боевые действия — поскольку, видимо, из-за сокращения собственного потенциала, вызванного прогрессирующей утратой и опустошением их наследных земель, и связанного с этим падением численности бояр и слуг, уже больше не представляли в то время серьезного значения как военная сила¹⁰⁰.

С учетом этого, определяя контекст отправки Василием Васильевичем Владимира Андреевича на княжение в Псков, видится возможным сопоставить его приезд туда с появлением на псковском столе предыдущего поколения ростовских князей обеих ветвей полувеком раньше, при великом князе Василии Дмитриевиче. Оно, как, очевидно, и в рассматриваемом случае, происходило на фоне резкого снижения военно-политического и экономического потенциала Ростовского княжения и вероятных финансовых проблем его правителей¹⁰¹. Причем в конце концов наиболее прочно из княживших в Пскове ростовцев там укоренился старший сын последнего владетельного князя Сретенской ветви Федора Андреевича Александр. Именно он должен был унаследовать ростовский стол после

отца, однако вместо этого их половина города как раз в это время неизвестным нам образом оказывается в руках великого князя¹⁰², а Александр остается у псковичей, где обростает семейными связями¹⁰³. Вероятнее всего, псковское княжение в первой четверти XV в. представлялось Москвой ростовским князьям как возможная замена принадлежащей тем власти в Ростове или как предлагаемая за передачу этой власти великому князю и их окончательный переход к нему на службу компенсация — что в итоге, видимо, и было так или иначе осуществлено к концу правления Василия применительно к Сретенской ветви Ростовского княжеского дома, старший сын и наследник последнего из владетельных князей которой Федора Андреевича Александр в итоге оседает на псковском столе, пребывая в городе вместе со своим единственным сыном Дмитрием¹⁰⁴.

Трудно не отметить, что заметная близость ситуации наблюдается спустя несколько десятилетий и в случае с Владимиром Андреевичем и его Борисоглебской ветвью: судя по всему, как сказано, в недавних московских династических столкновениях он поддерживал Василия Васильевича, что позволило Владимиру и его сородичам сохранить их долю власти в отчине. Но наследные земли этой княжеской ветви за это время со всей неизбежностью должны были оказаться сильно разорены, что могло вести к сложностям в сборе и выплате великому князю дани. Отправку тем в подобной ситуации старшего ростовского князя в Псков на княжение можно воспринять и как политическую и финансовую поддержку Василием родича-Калитовича (Владимир — правнук дочери великого князя Ивана Даниловича), и как сделанное тому в качестве главы Борисоглебской ветви завуалированное предложение о переходе всей этой корпорации на великокняжескую службу и о возмездной передаче их отчины Москве — по такому же сценарию, какой ранее уже был, видимо, реализован в подобных обстоятельствах и в отношении старшей ветви ростовских князей. Как известно, применительно к Борисоглебской ветви все это в итоге тоже произойдет, и при этом достаточно скоро, уже в 1473/74 г. В данном контексте можно напомнить, что в надписи на кресте Степана Бородатого 1458 г. в качестве гаранта прав ростовского монастыря Воскресения упомянут присутствующий, видимо, в то время в Ростове известный московский дьяк Алексей Полуектович. Как известно, Ермолинская летопись считает его вдохновителем происшедшей в 1463 г. покупки соседнего с Ростовом Ярославля у ярославских князей, который «ис старины печаловался о том, что бы вотчина их не за ними была»¹⁰⁵, и вряд ли позиции и этого дьяка, и его государя в отношении ближайшего политического будущего отчины ростовских князей были существенно иными.

Впрочем, если такой московский план — предоставить главе Борисоглебской ветви назначение на стол Пскова и поддержку его там в качестве наместника для того, чтобы подтолкнуть ростовского князя и всю возглавляемую им княжескую корпорацию к расставанию с наследной властью в Ростове и к окончательному и бесповоротному общему переходу на службу великому князю — и вправду существовал в начале 1461 г. в действительности, в любом случае на этот раз из него ничего не вышло: всему помешал вспыхнувший летом следующего года конфликт Владимира Андреевича с псковичами. Причем та небывалая ранее острота не нужного в конкретный момент с точки зрения высокой политики ни Москве, ни Пскову столкновения на вече, какую передают летописи, заставляет думать, что именно сам князь Владимир не захотел уезжать, а горожане сильно не хотели, чтобы он у них оставался¹⁰⁶. Если попытаться определить мотивы, которыми псковичи руководствовались в это время при приглашении и изгнании князей, и то, насколько мог князь Владимир Андреевич соответствовать этим ожиданиям жителей города, то станут возможны некоторые предположения о причинах сложившейся к осени 1462 г. напряженной ситуации.

Сложный и чрезвычайно объемный вопрос о месте князя в политической системе Пскова вряд ли следует подробно рассматривать в рамках этой работы, посвященной отдельному казусу, но привести здесь ряд общих наблюдений все же видится необходимым. Несомненный факт, что роль князя как политического института на протяжении времени изменялась параллельно с развитием Псковской республики, уже отмечался исследователями¹⁰⁷. Применительно к нашему случаю заметим: то, что князь на протяжении достаточно продолжительного времени мог позволять себе быть «на народ не благим» (как ПЗЛ охарактеризовала Владимира) — явный признак реального обладания им в тогдашнем Пскове определенным и при этом весьма значительным объемом политической власти. Это, разумеется, противоречит давней общей концепции статуса псковского князя как «слуги псковского веча», предложенной когда-то А.И. Никитским, которая восходит еще к осмыслявшим прошлое уже сквозь призму московского самодержавия книжникам XVI—XVII вв., согласно которым своего князя в прежние времена псковичи «избираху» и «держаху его приведше к себѣ яко наемника, а не яко князя»¹⁰⁸.

В данном контексте значим тот очевидный факт, что в рассматриваемый период между 1399 и 1462 г. (как, собственно, и ранее) многие князья покидали Псков по собственной инициативе, хотя псковичи уговаривали их остаться, и что были достаточно продолжительные периоды, когда князя для себя горожане простили, искали и

не могли найти. Отсюда с непереносимостью следует, что сам по себе псковский стол, княжение на котором сопровождалось в сравнении с обычной княжеской властью чрезвычайно обширным рядом ограничений, который было невозможно обычным образом передать своим детям и которого в любой момент можно было лишиться по воле городского сообщества, явно не был исключительно притягателен, во всяком случае — не был неизменно притягательным в любой момент и для любого приемлемого для псковичей князя. Необходимо также отметить, что установившиеся с 1399 г. отношения с московскими великими князьями, в рамках которых Псков мог просить и получать себе на княжение князей из их руки вовсе не предполагали, что вся ответственность за постоянное присутствие князей на псковском столе и их бесперебойную оперативную замену в случае необходимости лежит на великом князе: тот лишь предоставлял своих наместников в ответ на просьбу послов, но выстраивание, поддержание и сохранение отношений с устраивающим город князем были делом самих псковичей и не являлись предметом великокняжеской заботы.

Псковская гипотетическая «вольность в князьях», таким образом, в реальности находилась в весьма жестких рамках политически возможного в каждый конкретный момент. Городское сообщество нуждалось в постоянно пребывающем в городе князе (это очевидным образом отличало Псковскую республику от Новгородской республики того же времени) и было заинтересовано в его стабильном присутствии, что и вынуждало псковичей предлагать кандидатам помимо «чести» еще и устраивающие тех условия, которые должны были гарантировать их княжеский статус, предполагая наличие у князя четко определенного положения в политической системе Пскова и реальных властных полномочий. С этими полномочиями напрямую были связаны и привлекающие князей финансово-экономические возможности, которые позволяли им материально обеспечивать себя и своих людей — приближенных и военных слуг-ратников: сам князь получал входившую в состав «псковской пошрины» часть доходов от городского суда, и, видимо, часть той дани, которую смерды, т.е. сельские жители Псковской земли «князю... давали и Пскову», а своих представителей также в рамках «пошрины» сажал наместниками на псковские пригороды, где те тоже получали налоги («наместничу денгу») и судебные доходы¹⁰⁹. Это явно значило для стабильного положения князя в псковском социуме больше, чем «дары» от городского сообщества и гипотетическая возможность получения военной добычи.

Поскольку на протяжении рассматриваемого периода первой половины — середины XV в. одни князья спустя какое-то время изго-

нялись псковичами, а другие, напротив, исполняли свои функции год за годом и даже вновь приглашались псковскими посольствами, если отношения с ними вдруг почему-то оказывались прерваны, можно со всей очевидностью отметить, что встречные обязательства князя к городу, ставящиеся перед ним псковичами задачи, также, разумеется, существовали и осознавались и князем, и «всем Псковом», а уровень их выполнения находился в центре внимания городского сообщества и определял устойчивость положения конкретного князя в политической системе республики.

До нас не дошло письменных текстов докончаний, где бы эти обязательства могли быть сформулированы, поэтому строить заключения по поводу их содержания мы можем лишь на базе летописных данных. Условие, если так можно выразиться, «отрицательного характера», уже было упомянуто выше: политический режим участия князя в управлении Псковской землей не должен был быть нелояльным по отношению к коммуне: князь не имел права быть «лют до людей», не должен был чинить зла псковичам и «грубости» Пскову. Идеальному князю при исполнении его полномочий подобало быть «благим на народ», «внимать о граде» и хотеть добра «святеи Троице» и «моужем псковичем»¹¹⁰.

Актуальность другой важной функции псковского князя как политического института — легитимации суверенной власти города, репрезентации его статуса в общерусском и международном планах — в рассматриваемый период несколько сокращается. Если в XIV — начале XV в. для Пскова явно чрезвычайно привлекательным казалось заполучить на свой стол великого князя Владимирского или Литовского, его сына, брата или хотя бы внука, то где-то со второй четверти XV столетия мы уже не встречаем ни близких к правящим представителям династий такого уровня членов великокняжеских семей на псковском столе, ни даже претензий города на их вокняжение. Причины этого, насколько можно судить, лежали во вполне практической плоскости: суверенитет Пскова, его правосубъектность во внешнеполитических связях и независимость от ранее претендовавшего на ведущую роль во взаимоотношениях двух республик его «старейшего брата» Новгорода к этому времени уже в достаточной мере были закреплены. Более ценной теперь становилась стабильность в отношениях города со своим князем, готовность того принимать псковские правила игры и ставить во главу угла интересы Пскова, а не собственные династические планы за пределами Псковской земли. В этом смысле знатные представители великокняжеских семей, рассматривавшие псковский стол как не самый заманчивый и в любом случае промежуточный этап, готовые

в любой момент покинуть его ради более масштабных политических целей и вряд ли воспринимающие псковичей как равных и постоянных партнеров, явно проигрывали. Для Пскова второй четверти — середины XV в. оказывается уже достаточно присутствия у кандидата княжеского титула и соответствующих генеалогических связей, подтверждающих уровень его рода. Более того, наиболее тесные и длительные отношения у Пскова завязываются как раз с князьями, которые в момент появления и пребывания на его столе не обладают за пределами города серьезной личной княжеской властью и значимыми политическими интересами — как Данила Александрович, беглец Александр Чарторыйский или утративший в итоге отцовскую половину Ростова Александр Федорович — с лишившимися суверенных княжеских прав или с сохранившими лишь их остатки в осколках былых отчин.

Еще одна роль князя, имеющая как символический, так и практический аспекты, остается для Пскова по-прежнему важной: в качестве получаемого псковичами «из руки» великого князя наместника псковский князь олицетворяет прочность отношений республики с одним из мощных политических образований средневековой Восточной Европы, что поддерживает статус Пскова в международных связях и подкрепляет стабильность его внутреннего устройства. Присылка по просьбе псковичей и принятие ими в качестве своего князя великокняжеского наместника служат не только прокламативным целям, но и предполагают право города на реальное получение политической и военной поддержки и обязанность предоставлять ее по просьбе псковичей. С середины и до конца XIV в. в таком амплуа для Пскова тем или иным образом выступала Литва, а после связанного с Салинским договором 1398 г. изменения курса Великого княжества Литовского по отношению к республике псковичи решают передать эту миссию великому князю Московскому.

Ее надлежащее выполнение во время обострений династической борьбы среди московских князей второй четверти — середины XV в. часто, как говорилось, оказывалось непосильно для Москвы и псковичам в этой ситуации приходилось действовать уже практически совершенно самостоятельно — в том числе и в отношении принятия князей. Но с возвращением в Великое княжество Московское стабильности, что убедительно продемонстрировала всему региону победа над Новгородом в 1456 г., Псков решительно берет курс на восстановление прежнего положения. То, что речь шла именно об инициативе горожан и об их собственных политических интересах, а не о московском проекте по подчинению Пскова, прямо следует из летописного рассказа о событиях января 1460 г.: псковичи сами узна-

ют о приезде великого князя с сыном в Великий Новгород и сами отправляют к нему бить челом своих послов¹¹¹. То же самое отражает и отчетливо однонаправленный характер сразу же ставших вдруг вновь регулярными псковских посольств к Василию Васильевичу — теперь они прибывают к нему одно за другим: в 1460 г. о жаловании великим князем своей отчины, о защите «от Нѣмьць» и о подтверждении статуса его наместника за псковским князем, в 1461 г. о печаловании своей отчиной и о присылке князя, в 1462 г. о том же, в 1463 г. об отправке в помощь городу воеводы с войском, в 1464 г. об учреждении в Пскове отдельной от Новгорода кафедры и т.д. Так же, собственно, оценили происшедшую в 1460 г. коррекцию политической программы Пскова и соседи-новгородцы: «Той же зимы възбуяшася Псковичи в нестройнѣ уме, наша братіа мнимая, по нашимъ грѣхомъ, задашася за великого князя Василья Васильевича и за его сынове»¹¹².

Стремясь к возобновлению показавшегося комфортным для республики прежнего status quo, сложившегося еще при отце Василия Василии Дмитриевиче, Псков в контактах с Москвой начиная с 1460 г. постоянно и настойчиво декларирует свое положение по отношению к великому князю как его великокняжеской «отчины». Это не только предполагало устойчивость обязательства псковичей вновь, как они решали для себя еще при отце нынешнего великого князя, принимать себе на княжение наместников из его руки, не обращаясь за ними в Литву, и не вступать больше в антимосковский союз с Новгородом, но и, судя по всему, должно было напоминать Василию Васильевичу, что когда-то из-за конфликта псковичей с Витовтом его отец для защиты Пскова решился на полномасштабную войну со своим могущественным тестем. Княжения великокняжеских наместников первой трети XV в. не оставили о себе до 1460 г. памяти как о чем-то слишком уж обременительном для горожан, а восстановление эксклюзивных связей с Москвой решало проблему поиска князей на свой стол и, к тому же, обладало огромным потенциалом при выстраивании взаимоотношений с соседями. Ливонская конфедерация в рассматриваемый период слабнет из-за внутренних противоречий, при этом прямая торговля помимо Новгорода с ее входящими в Ганзейский союз городами — основа экономического могущества Пскова. В такой ситуации опора в отношении с Ливонией на возможность военно-политической поддержки из Москвы в случае столкновений из-за освоения приграничных районов или коммерческих конфликтов была чрезвычайно заманчива для Псковской республики, автоматически гарантируя для нее положение сильной стороны в коммерческих и территориальных спорах с западными соседями.

Что касается значимости для Пскова еще одной княжеской функции — организации военной защиты города, которая в построении образа идеального князя с точки зрения псковичей — уже обретшего к тому времени роль их символического патрона Довмонта — играла центральную роль, то ее ценность на протяжении всей первой половины — середины XV в. явно сохраняется на прежнем уровне и даже возрастает. Именно военные успехи постоянно отмечались летописцем в рассказе о княжении Даниила Александровича, удостоившегося специального летописного некролога, именно в обстоятельствах жесточайшей военной угрозы со стороны Витовта Псков изо всех сил добывается себе от Москвы князя во второй половине 1420-х годов. Не случайно ПІЛ (Пог. и Обол.), с сожалением сообщая об отъезде в 1460 г. Александра Чарторыйского, в качестве главной детали упоминает о 300 человек одной только его «кованой рати», не считая обозных слуг, а повествование о пребывании на псковском столе этого князя также посвящено военным победам псковичей под его руководством в столкновениях с ливонцами. Характерно, что в роли военачальников выступали до своего появления во Пскове и предшественник Владимира Андреевича Иван Васильевич Стрига Оболенский, и его преемник Иван Александрович Звенигородский. В обстановке вновь разгоревшегося сразу после изгнания Владимира конфликта с немцами псковичи просят и получают в помощь прибывшему к ним Ивану Александровичу еще и великокняжеское войско во главе с воеводой князем Федором Юрьевичем Шуйским, и именно этого воеводу после отъезда Ивана Звенигородского псковичи просят себе в Москве на княжение. Сохраненная Син. под 1480 г. отрицательная характеристика его преемника, Василия Васильевича на первое место из всех его недостатков ставит именно его военные качества: «И бяша тогда въ градѣ Псковѣ князь не воискьи, грубыи, токмо прилежаше многому питию и граблению, а о граде не внимаше ни мала и много Пскову грубости очинил»¹¹³.

Таковыми в самом общем виде представляются факторы, принимавшиеся во внимание псковским сообществом при приглашении и изгнании своих князей в период, предшествующий княжению Владимира Ростовского. Рассмотрим в этом свете применительно к его княжению в Пскове известные нам личные свойства, достоинства и недостатки Владимира Андреевича. Псковский стол явно не являлся для князя в это время единственной сферой приложения сил: ростовский князь в 1461—1462 гг. по-прежнему оставался главой своей Борисоглебской ветви, территориально-генеалогической корпорации, в которую входили его родные, двоюродные и троюродные братья и племянники (всего около двух десятков князей).

Как упоминалось, это сообщество под руководством Владимира владело родовыми землями в Ростове и под его началом участвовало наравне с представителями великого князя в административном и судебном управлении городом и городской округой¹¹⁴. Сохранение и реализация собственной власти там, контроль за происходящим и разрешение неизбежно возникающих при совместном управлении конфликтов поневоле должны были требовать усилий и ресурсов от ставшего теперь еще и псковским князем Владимира. Все это, разумеется, не могло не отвлекать внимания нашего князя и не ограничивать его кадровый (и, соответственно, военный) потенциал в Пскове. Еще острее данная проблема должна была встать перед ним именно весной 1462 г.: после случившейся 27 марта кончины Василия Темного верховная власть в Ростове по его завещанию должна была перейти от представителей великого князя к его вдове Марии Ярославне. Хотя в великокняжескую духовную и был специально включен запрет великой княгине «вступаться» после получения Ростова в права ростовских князей, но уже само появление этого пункта красноречиво свидетельствовало: в отсутствие находящегося в это время вдали от отчины князя Владимира даже одна только смена лиц, осуществлявших московскую власть в Ростовской земле, легко могла привести к неприятным эксцессам и к ущемлению властных и имущественных правомочий ростовских князей Борисоглебской ветви и ее главы. Это не могло не беспокоить Владимира Андреевича весной и летом 1462 г. Псковичи же, как показано выше, предпочитали, чтобы все свои планы и все свои силы их князь в то время, пока он княжит в их городе, посвящал бы именно псковским делам. Характерно, что в 1417 г. из Пскова изгоняют отца Владимира, Андрея Александровича, так же, как и позднее его сын, сохранявшего за собой во время княжения там власть над половиной Ростова и старейшинство в Борисоглебской ветви, и тоже прокняжившего в Пскове весьма недолго — от полутора до двух с небольшим лет. При этом вместо него псковичи просят для себя в Москве не представителя какого-то иного княжеского дома, а его собственного младшего брата, князя Федора, главным и, видимо, наиболее выгодным достоинством которого для Псковской республики, судя по всему, оказалось именно то, что в отличие от Андрея Федор не обладал в тот момент столь серьезным статусом в отчинном Ростове. Дядя Владимира, похоже, тогда и впрямь в отличие от своего брата оказался готов полностью посвятить себя Пскову — вплоть до женитьбы на псковской боярышне Акилине. Племянник же Федора и сын Андрея Владимир, кажется, своей половиной Ростова ради Пскова жертвовать и даже рисковать, как и когда-то его отец, явно не собирался.

К тому же этот князь, судя по всему, разительно отличался от своих непосредственных предшественников Александра Чарторыйского и Ивана Стриги — опытных военачальников, окруженных хорошо подготовленными воинами и прославленных прекрасно известными летописцам победами: о Владимире Ростовском чего-то подобного точно нельзя было сказать. Новый князь, о котором псковичи к моменту его приезда почти ничего (кроме сохранявшихся у немногих из них смутных и в любом случае вряд ли ярких воспоминаний о его отце) не знали, неизбежно должен был на столь эффектном фоне показаться недостаточно «воиским». Он явно не мог предоставить городу собственный боевой контингент, по численности и качеству сравнимый с тремя сотнями «кованой рати» князя Чарторыйского, а вполне вероятно, что и вообще военное дело, судя по молчанию источников о его военных подвигах или хотя бы каких-то заметных действиях в этой сфере, не было сильным местом Владимира Андреевича. Вряд ли это могло понравиться горожанам в любом из случаев, но к тому же еще именно в это время назревало новое столкновение с Дерптом и Орденом. К нему Псков, желавший воспользоваться результатами происходящего военно-политического ослабления Ливонии, надежно закрепить за собой спорные территории и в дальнейшем уже постоянно выступать в приграничных и торговых спорах в качестве сильнейшей стороны, судя по всему, явно шел вполне осознанно. Видимо, псковскому обществу по прошествии года со всей отчетливостью стало ясно, что и в этом смысле Владимир также является недостаточно ценным союзником¹¹⁵.

Нужно также заметить, что формально высокий личный владельческий и династический статус, унаследованный князем Владимиром Андреевичем, судя по всему, не находил себе адекватного соответствия в иерархии взаимоотношений внутри великокняжеского двора: во второй половине XV в. несоизмеримо более значима была уже фактическая близость к великому князю и его ближайшему окружению, назначения на высокие административные, дипломатические и военные посты, отражающие участие в формировании политики великого княжества Московского, а также связанные со всем этим служебные, личные и матримониальные отношения с высшими слоями московской знати. Биография Владимира Андреевича, насколько она известна источникам, не дает оснований предположить какие-то его успехи в этой сфере или наличие у него значимых ресурсов подобного рода. Он, насколько можно судить, до присылки в Псков своим основным поприщем имел управление отчинной половиной Ростова, и так же, как и его отец и братья, не обладал

каким-то заметным и значимым опытом деятельности и «аппаратным весом» в системе московской политической власти, следствием чего неизбежно должен был оказаться дефицит формальных и неформальных связей внутри кремлевского сообщества, как персональных, так и родовых. Вызванные кончиной Василия Васильевича перемены в великокняжеском окружении также, скорее всего, в этом смысле ничего не добавляли Владимиру Андреевичу.

Псковичи же приглашали себе князя из-под руки великого князя московского отнюдь не только в прокламативных целях, для демонстрации связи республики с главой резко усиливающегося государства Восточной Европы. Не менее ценным был и реальный личный потенциал становящегося псковским князем его наместника как вовлеченного в придворную жизнь политического оператора: в этой сфере псковский князь должен был выступать как влиятельный партнер, как опытный эксперт, консультирующий глав правящего слоя городского сообщества, и как эффективный ходатай в Москве за интересы республики. Псковские летописи и акты не случайно постоянно упоминают своего князя на первом месте в перечнях принимающих политические решения от имени «всего Пскова» лиц. Неформальное содействие наместника должно было играть роль и при обращениях к великому князю с просьбой о военной помощи, и при получении поддержки в вопросах внешней политики, его личный политический статус в великокняжеской Москве должен был производить впечатление и при переговорах с представителями Новгорода, Ливонии и Литвы. Показательным в этом смысле видится также упоминавшееся личное челобитье отца князя Владимира, псковского князя Андрея Александровича к митрополиту Фотию об отмене навязанной незадолго до того Пскову великокняжеским братом Константином Дмитриевичем новой «уставленной» грамоты. Получившие спустя почти полвека себе на княжение сына этого ростовского князя псковичи неизбежно должны были обнаружить для себя неприятный факт: относительно великокняжеского центра принятия политических решений их новый князь находился на далекой периферии, его личное влияние и практический опыт в этой сфере явно не были сколь-нибудь велики, а назначение на псковский стол стало пиком его московской карьеры.

Судя по сообщению о том, что Владимир Андреевич оказался еще и «на народ неблаг», можно предположить и то, что при всем вышесказанном владетельный ростовский князь к тому ж явно мог глядеть свысока на своих нетитулованных псковских контрагентов, и то, что он мог воспринимать это свое княжение не как исполнение долга перед принявшей его с честью и посадившей на свой кня-

жеский стол Псковской республикой, а как предоставленную ему великим князем возможность поправить свои финансовые дела и поддержать своих приближенных, защитив, сохранив и приумножив при этом за счет псковичей свой персональный статус и свою личную власть в родном Ростове. Если дело в целом и вправду обстояло примерно так, то это вряд ли могло сколь-нибудь долго устраивать городское сообщество.

То, что все дошло до открытого столкновения на вече, может быть связано как с тем, что ростовский князь оказался недостаточно чуток в политическом смысле для того, чтобы вовремя осознать масштаб недовольства, так и с тем, что он осознанно отказался от варианта покинуть утрачивающий лояльность к нему город по собственной инициативе. Если верны сделанные выше наблюдения по поводу политико-экономического положения ростовских князей в 1450-х — начале 70-х годов — в ситуации, когда их владения переживали последствия военных событий завершившихся династических конфликтов, при этом оказавшись со всех сторон окружены землями великого княжения, куда в такой обстановке неминуемо должны были уходить на службу их бояре, и, вероятно, даже перетекать оставшееся население — то шансов как-то еще поддержать и повысить свой политический и социальный статус помимо псковского княжения Владимиру уже не могло представиться. Возможно, именно это и удерживало его от самостоятельного отъезда — наряду с надеждой на то, что заинтересованные в военно-политическом союзе с Москвой горожане все же не пойдут на крайние меры. В любом случае, эти гипотетические расчеты, как выяснилось к началу сентября, с треском рухнули.

Показательно, что после возвращения ростовского князя из Пскова мы не слышим о какой-то компенсации ему перенесенного бесчестия — ни псковичами, ни великим князем. Похоже также, что Владимир Андреевич больше не получал от Ивана Васильевича и каких-то иных достойных предложений. О нем просто забывают источники: единственным местом, куда ему оставалось уехать, был его родной Ростов, и, судя по тому, что мы ничего не слышим о князе, именно там он и пребывал до 1473/74 г. То, что спустя одиннадцать лет ему все же пришлось навсегда расстаться с наследной властью его ветви в отчинном городе, убедительно показывает, что положение князей ростовских за это время вряд ли улучшилось. К числу несомненно положительных итогов этого периода жизни Владимира Андреевича можно отнести разве что появление у него двух сыновей, Александра и Дмитрия, к 1490-м годам уже достаточно зрелых.

Сложно сказать, из-за чего в первую очередь Владимир не захотел самостоятельно покинуть псковский стол — из-за своей в нем

заинтересованности, из-за нежелания выказать себя неудачником перед великим князем или из-за чрезмерной уверенности во влиянии московской власти. В любом случае, псковичи, впервые столкнувшиеся, судя по всему, с еще необычным для них неподчинением собственного князя воле городского сообщества¹¹⁶, оказались в поисках обоснования какой-то убедительной «старинной» своих объяснений во вспыхнувшем из-за происшедшего инцидента разбирательстве с Москвой. В итоге они избрали в качестве актуального в этом смысле прошлого, нормативной «старины» и «пошлины» те периоды истории республики, когда она была достаточно вольна в отношениях со своим князем (в первую очередь, разумеется, непосредственно предшествовавший 1460 г., хотя актуализируемая старина, конечно же, могла избирательно простираться сколь угодно глубоко — вплоть до времен Довмонта или даже Всеволода Мстиславича). С опорой на эту часть псковской политической традиции и прозвучали осенью 1462 г. от представителей города упреки в недостаточном соответствии «старине» не только вызывающего поведения князя, но и уже самого появления Владимира на их столе, — упреки, которые предполагали зафиксировать каким-то образом на будущее в качестве традиционной нормы приемлемую для города гибкость в отношениях с великим князем по поводу его наместника, получающего княжение в Пскове, и, в то же время, устраивающую горожан степень влияния городского сообщества на этого наместника. Предложенный в ответ Москвой механизм учитывал эти пожелания псковичей, но защищал и великокняжеские интересы, предписывая для регулируемых отношений (в первую очередь — для действий Пскова) четкие и ясные рамки: запрашиваемый из-под московский руки князь персонально избирался по воле города, но для ее выражения теперь определялась четкая процедура: утверждение кандидатуры Псковом на вече и фиксация ее в письменном документе, представляемом послами великому князю. Таким образом, на городское сообщество возлагалась несколько большая, чем прежде, доля ответственности за поддержание статуса ими самими же и испрошенного конкретного князя, смена которого по инициативе псковичей также ставилась теперь исключительно в эти же рамки: посольство с письменной просьбой о конкретном кандидате и обязательство в любом случае не подвергать бесчестью того князя, который оказался не устраивающим горожан. Великокняжеская Москва в 1462 г. предпочла не бороться с вечевыми порядками Пскова, с которыми она столкнулась в результате инцидента с Владимиром, а использовать их при выстраивании дальнейших отношений: по ее предложению именно вече теперь должно было согласовывать и

письменно утверждать кандидатуру запрашиваемого на княжение наместника, ответственность за держание которого «в чести» после этого ложилась на все городское сообщество. Это, как станет ясно из дальнейшей истории Псковской республики вплоть до ее финала в начале 1510 г., имело свои чрезвычайно значимые результаты.

Рассмотрев, таким образом, общий фон и ход событий псковского княжения Владимира Андреевича, приходится отметить: особую значимость для формирования новых норм взаимоотношений Псковской республики с великим князем и для развития институтов власти Пскова имел не сам казус приезда, правления и изгнания этого князя, а его итоги. Комплекс реальных действий Москвы, направленных на ограничение внешне- и внутривосточного суверенитета Пскова хронологически располагается позднее — уже в пределах 1480-х годов и далее, т.е. после присоединения в 1478 г. Новгорода, органично включаясь в широкую политическую программу правления «государя всея Руси» Ивана Васильевича. Контекст же появления на псковском столе Владимира — более ранний, генетически укорененный еще в традиции первой половины — середины XV в., в политических реалиях эпохи Василия Васильевича. Решение об отправке на княжение Владимира принималось, судя по всему, еще в предшествующей системе координат: в ответ на просьбу посольства необходимо было занять вакансию псковского князя достаточно статусным персонажем, присылка которого в качестве наместника продемонстрировала бы сохраняющуюся преемственность и внимание великого князя к Пскову и присутствие которого на тамошнем столе предохраняло бы от возобновления псковско-новгородских связей. Одновременно предоставление Владимиру княжения имело вполне рациональный смысл в контексте московско-ростовских отношений, плотнее втягивая сохраняющую наследную власть в Ростове Борисоглебскую ветвь княжеского дома в служебные отношения с Москвой.

Конфликт с Владимиром предопределяет уже будущий дискурс отношений Пскова и его князей — великокняжеских наместников: на протяжении последующих десятилетий осознающие преимущества своего положения князья добиваются для себя от города все больших возможностей и полномочий, псковичи же жалуются на них великому князю, в то же время стремясь сохранить и максимально использовать московский ресурс во внешней политике. Изгнание Владимира — первый случай острого столкновения псковского князя с городским сообществом. В дальнейшем в разрешении этих противоречий все больше и больше включаются берущие в них на себя роль верховного арбитра великие князья, что обеспечивало

широкие возможности для великокняжеских вторжений в пределы суверенитета республики и сокращения его фактического объема, в 1510 г. послужив также и удобным поводом для окончательной ликвидации псковской независимости. В этом смысле видится показательным, что согласно московской повести «Взятие Пскова» первым в перечне московских бояр, посланных к захваченным великим князем Василием «посадникам и прочим псковичам» с требованием о снятии вечевого колокола и отмене вечевых порядков, назван именно князь Александр Владимирович Ростовский, сын нашего Владимира Андреевича¹¹⁷. Он же затем возглавил и отправленных в Псков приводить «всех пскович городских и сельских» к великокняжеской присяге бояр, окольных и дьяков. Трудно судить, в какой мере это эффективное решение было осознанным жестом, но в городе явно не могли не вспомнить о том, что случилось на той же соборной площади почти полувеком раньше с отцом князя, не забывал об этом, вероятно, и сам Александр Владимирович.

¹ Псковские летописи. — М.; Л., 1941. — Вып. 1. С. 62; М., 1955. — Вып. 2. — С. 52, 150.

² Карамзин Н.М. История государства Российского. (1-е изд.: СПб., 1818). — С. 8.

³ Псковская летопись, изданная М. Погодиным. — М., 1837.

⁴ ПСРЛ. — СПб., 1848. — Т. 4; СПб., 1851. — Т. 5.

⁵ Болховитинов Е.А. История княжества Псковского. — М., 2012 (1-е изд.: Евгений (Болховитинов), митр. История княжества Псковского. — Киев, 1831. — Ч. 1—4). — С. 72—73; Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 5 // Соловьев С.М. Сочинения. — М., 1989. — Т. 3. (1-е изд.: М., 1855). — С. 35; Костомаров Н.И. Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада (история Новгорода, Пскова и Вятки). — СПб., 1863. — С. 283—284; Беляев И.М. Рассказы из русской истории. — М., 1867. — Кн. 3: История города Пскова и Псковской земли. — С. 159; Никитский А.И. Очерк внутренней истории Пскова. — СПб., 1873. — С. 260—265; Экземпларский А.В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. — СПб., 1889. — Т. 1: Великие князья Владимирские и Владимиро-Московские с приложением хронологии событий, касающихся Новгорода и Пскова. — С. 186—187, 189; СПб., 1891. — Т. 2: Владетельные князья Владимирских и Московских уделов и великие и удельные владетельные князья Суздальско-нижегородские, Тверские и Рязанские. — С. 56—58; Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. 2 // Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. — М., 1988. — Т. 2. — С. 87 (1-е изд.: СПб., 1906); Пресняков А.Е. Образование Великорусского государства: очерки по истории XIII—XV столетий. — С. 281, 303 (1-е изд.: Пг., 1918); Stern C. von. Dorpat-Pleskauer Kämpfe und Verträge 1448—1463 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. — 1940. — Bd. 5. — С. 399; Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы. — М.; Л., 1948. — Т. 1. — С. 413—416; Мартысевич И.Д. Псковская судная грамота: историко-юридическое исследование. — М., 1951. — С. 24; Масленникова Н.Н. Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. — Л., 1955. — С. 58—59.

⁶ Так, митр. Евгений (Болховитинов) уверенно утверждал, что псковичи тогда «умоляли прислать к ним на княжение» великокняжеского сына Юрия, но был назначен Владимир: *Болховитинов Е.А.* История княжества Псковского. — С. 72.

⁷ Псковские летописи. — М.; Л., 1941. — Вып. 1; М., 1955. — Вып. 2.

⁸ *Черепнин Л.В.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв.: очерки социально-экономической и политической истории Руси. — М., 1960. — С. 838—840.

⁹ См.: *Алексеев Ю.Г.* Под знаменами Москвы: борьба за единство Руси. — М., 1992. — С. 116; *Pickhan G.* Gospodin Pskow: Entstehung und Entwicklung eines städtlichen Herrschaftszentrums in Altrussland // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Osteuropa-Institut an der Freien Universität Berlin Historische Veröffentlichungen. — Berlin, 1992. — Bd. 47. — S. 289.

¹⁰ *Алексеев Ю.Г.* Под знаменами Москвы: борьба за единство Руси. — С. 115—116.

¹¹ Историографией XIX в. эти вопросы не воспринимались как особенно актуальные, поскольку считалось, что реалии Пскова в данной сфере сформировались под воздействием новгородских (представлявшихся при этом весьма статичными), для советской исторической науки подобная проблематика также осталась на периферии внимания исследователей (см., напр.: *Костомаров Н.И.* Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевое уклада (история Новгорода, Пскова и Вятки); *Никитский А.И.* Очерк внутренней истории Пскова; *Масленникова Н.Н.* Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству; *Алексеев Ю.Г.* Под знаменами Москвы: борьба за единство Руси). Предложенное в работах Л.В. Черепнина и М.М. Крома определение летописной формулы, описывающей данную ситуацию взаимодействия властных правомочий великого князя иосковского и Пскова — «своя отчина мужи псковичи добровольные люди» — как «противоречивой» или «парадоксальной» (*Черепнин Л.В.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв.: очерки социально-экономической и политической истории Руси. С. 833; *Кром М.М.* Статус Пскова в системе великого княжения Владимирского XV — начала XVI в. (к вопросу о суверенитете средневекового русского города) // Псков, русские земли и Восточная Европа в XV—XVII вв. К 500-летию вхождения Пскова в состав единого Русского государства: сб. тр. междунар. науч. конф., 19—21 мая 2010 г. — Псков, 2011. — С. 120) также сложно признать исчерпывающим решением проблемы, явно заслуживающей самостоятельного исследования.

¹² Ю.Г. Алексеев лишь отметил, что псковское княжение было для Владимира Андреевича выполнением «политического поручения великого князя», являясь «показателем процесса ассимиляции удельных княжеств Москвой»: ростовский князь, «как и другие князья», «фактически находится» на великокняжеской службе, при этом «не переставая быть князем в своем уделе» (*Алексеев Ю.Г.* Под знаменами Москвы: борьба за единство Руси. — С. 115).

¹³ Псковские летописи. — Вып. 1. — С. 57—61; Вып. 2. — С. 51—52, 145—149; ПСРЛ. — Т. 16. — Стб. 203—204; Т. 25. — С. 276; Т. 28. — С. 283; *Stern C. von.* Dognat-Pleskauer Kämpfe und Verträge 1448—1463. — S. 384—391; *Казакова Н.А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV — начало XVI в. — Л., 1975. — С. 131.

¹⁴ О причинах его скорого отъезда лишь в том ключе, что они «неизвестны» и, возможно, связаны с «неудовольствиями, возникшими вследствие неприязненных отношений к Пскову немцев», высказался только А.В. Экземплярский (*Экземплярский А.В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. — Т. 2. Владетельные князья владимирских и московских уделов и великие и удельные владетельные князья Суздальско-Нижегородские,

Тверские и Рязанские. С. 56). Не вполне ясно, что имел в виду исследователь: именно «неприятные отношения», а точнее — военный конфликт псковичей с Дерптом — и привели к появлению этого князя в Пскове, его отъезд же, напротив, пришелся как раз на момент нормализации псковско-ливонских отношений. Заметим также, что, судя по имеющимся известиям, княжение Ивана Стриги завершилось вовсе не по инициативе псковичей: нормы взаимоотношений Пскова и псковских князей предполагали, что любая из сторон вправе их прекратить. Князья могли уехать из города по своей воле или по воле великого князя — псковские летописи в таких случаях почти не уделяли внимания мотивам отъезда, могли лишь быть указаны обстоятельства, отражающие его добровольность и сохраняющиеся взаимное уважение сторон. В случае с Иваном Стригой проще всего предположить, что и ему, и великому князю его роль в далеком Пскове показалась уже выполненной: покровительство городу продемонстрировано, ливонцы пошли на заключение длительного перемирия, и такой ценный администратор и военачальник, как князь Иван, был Москве уже «здесь оубе надобе». Это подтверждает и указание ПЛ, что наместник уехал «к великому князю».

¹⁵ Псковские летописи. — Вып. 1. — С. 61; Вып. 2. — С. 52, 149.

¹⁶ Там же. — С. 58; Вып. 2. — С. 51, 146.

¹⁷ В последнем описании содержащая данный список рукопись Син. №154 датирована сер. 1480-х годов (*Клосс Б.М.* Предисловие к изданию 2003 г. // ПСРЛ. — М., 2003. — Т. 5, вып. 1. — С. 6), на ее вероятную близость к этому периоду указывал и А.Н. Насонов (Псковские летописи. — Вып. 1. — С. XIV).

¹⁸ О данных Син., отсутствующих в позднейших памятниках летописания Пскова, см.: *Насонов А.Н.* Из истории псковского летописания // ИЗ. — 1946. — № 18. — С. 272.

¹⁹ Наиболее эффектными тут видятся идеи Л.В. Черепнина, предположившего, что, возможно, «Василий II обманул псковских послов», пообещав им дать того князя, которого они попросили, но вместо него прислав своего кандидата, либо, напротив, сами вернувшиеся послы умышленно умолчали на вече о том, что уже согласились в Москве на Владимира, не настояя на предписанной им псковичами кандидатуре (*Черепнин Л.В.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв.: очерки социально-экономической и политической истории Руси. — С. 838).

²⁰ См., напр.: Псковские летописи. — Вып. 2. — С. 35, 39.

²¹ Но трудно согласиться с Л.В. Черепниным в том, что «подробное изложение» этого отчета будто бы «говорит, насколько злободневной и острой была для псковичей тема о дальнейшем порядке выбора на месте или назначения из Москвы псковских князей» и какой «широкий и глубокий общественный интерес» она возбуждала: и обычная процедура отчета послов, и степень подробности его освещения в данном случае чем-то особенным не выделяются, а подтверждений тому, что предполагаемая ученым тема общего порядка выбора князей или их назначения вообще хотя бы как-то обсуждалась на том вече, в летописях не содержится (*Черепнин Л.В.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв.: очерки социально-экономической и политической истории Руси. — С. 838).

²² *Экземлярский А.В.* Ростовские владетельные князья. — Ярославль, 1888. — С. 60, прим. 160; ср.: *Экземлярский А.В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. — Т. 2: Владетельные князья владимирских и московских уделов и великие и удельные владетельные князья Суздальско-Нижегородские, Тверские и Рязанские. — С. 56.

²³ *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI вв. — М., 1988. — С. 48, прим. 165.

²⁴ Визит великого князя с сыновьями в Новгород, во время которого Псков и получает на княжение Ивана Стригу, относится всеми летописями к январю — февралю 1460 г., а соглашение о пятилетнем перемирии с Дерптом, рассказу о заключении которого предшествует известие о принятии Псковом и посажении 23 марта на стол князя Ивана, готовится во второй половине — конце того же 1460 г. К тому же, в случае пребывания Ивана на этом столе в 1461—1462 гг. для длившегося согласно ПЗЛ около полутора лет княжения его преемника Владимира Андреевича, отъезд которого из города четко датирован сентябрем 1462 г., просто не остается времени.

²⁵ *Алексеев Ю.Г.* Под знаменами Москвы: борьба за единство Руси. — С. 115.

²⁶ Отдел рукописей Национальной библиотеки в Варшаве. BOZ sim. 78.

²⁷ Не вполне понятно с учетом этого указание М.М. Крома о том, что инцидент с изгнанием Владимира «произошел незадолго до смерти Василия II» (*Кром М.М.* Статус Пскова в системе великого княжения Владимирского XV — начала XVI в.: к вопросу о суверенитете средневекового русского города. — С. 123), т.е. до 23 марта 1462 г.

²⁸ Примерно те же даты, хотя и без всякого обоснования, предполагал еще Карл фон Штерн (работа которого, к сожалению, осталась незамеченной отечественными историками): по его мнению, Иван Стрига покидает Псков 21 декабря 1460 г., псковское посольство возвращается из Москвы где-то в марте 1461 г., а новый наместник Владимир Андреевич прибывает в апреле или мае того же года (*Штерн С. von.* Dorpat-Pleskauer Kämpfe und Verträge 1448—1463. — S. 398—399).

²⁹ *Строев П.М.* Ключ к «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. — М., 1836. — С. 48.

³⁰ Псковские летописи. — Вып. 1. — С. 61; Вып. 2. — С. 52, 149.

³¹ *Черепнин Л.В.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв.: очерки социально-экономической и политической истории Руси. — С. 839.

³² *Вовин А.А.* К вопросу о княжеской власти в Пскове XIV—XV вв. // Новгородский исторический сборник. — Великий Новгород, 2013. — Т. 13 (23). — С. 112—113.

³³ Там же. — С. 113—114.

³⁴ Там же. — С. 113.

³⁵ Там же.

³⁶ Применительно к приезду великого князя Александра, обстоятельства которого явно были нетривиальны, специально упомянуто, что ему целовали крест псковичи, и в ПЗЛ уточняется важная особенность этой присяги: «что его не выдати княземь рускымь»: Псковские летописи. — Вып. 2. — С. 23.

³⁷ Псковские летописи. — Вып. 1. — С. 17, 26, 33; Вып. 2. — С. 23, 30, 91, 109, 119.

³⁸ Псковские летописи. — Вып. 1. — С. 46; Вып. 2. — С. 135. Обзор летописных известий 1443—1509 гг. о посажениях на княжение в Троицком соборе Пскова см.: *Лабутина И.К.* Историческая топография Пскова в XIV—XV веках. — М., 2011. — С. 255—256.

³⁹ Приезд публично подтверждающего наместнический статус великокняжеского посла мог потребоваться в связи с предшествовавшим случаем появления в 1436 г. в Пскове будто бы из московской руки князя Бориса Васильевича, полномочия которого, судя по всему, были поставлены под сомнение псковичами и затем не подтверждены — «зане же онь пролгался» — великим князем, к которому по поводу Бориса специально ездило псковское посольство.

Вместе с тем, верность собственно Александра Чарторыйского Василию Васильевичу и до того (как, впрочем, и позднее) была вовсе не постоянной: лишь годом раньше, в 1442 г. он вместе с Дмитрием Шемякой пошел в поход на великого князя, и только посредничество троицкого игумена Зиновия остановило конфликт. Возможно, что в этих обстоятельствах вскоре последовавшее назначение князя Александра наместником в Псков могло стать одним из условий достигнутого тогда у Троицкого монастыря соглашения, преследуя цель отколотить Чарторыйского от противников Василия и удалить беспокойного литовского князя из земель Великого княжества Московского. Поэтому думается, что и самому великому князю в то бурное время явно не могло показаться излишним взять с присланного им Александра Васильевича еще одну публичную присягу, чтобы тот не почувствовал себя на псковском столе слишком уж независимым. Заметим здесь также, что гипотеза Н.С. Борисова о том, что в Псков Александр Чарторыйский прибыл «из руки» не Василия Васильевича, а будто бы державшего в это время совместно с тем великое княжение Дмитрия Юрьевича (*Борисов Н.С. Псковская политика Василия Темного // Псков, русские земли и Восточная Европа в XV—XVII вв. К 500-летию вхождения Пскова в состав единого Русского государства: сб. тр. междунар. науч. конф., 19—21 мая 2010 г. — Псков, 2011. — С. 104*), противоречит и прямым указаниям ПЛ, и другим источникам (см., напр.: ДДГ. — № 38).

⁴⁰ *Масленникова Н.Н. Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. — С. 54—55.*

⁴¹ Уверенность Н.М. Карамзина о том, что вообще все великокняжеские наместники, занимая псковский стол, обязательно целовали крест великому князю и «народу», т.е. жителям города, основана лишь на общих представлениях исследователя (*Карамзин Н.М. История государства Российского. — Т. 5. — М., 1993. (1-е изд.: СПб., 1819). — С. 164—165*). Впрочем, мнение Н.А. Масленниковой и следующей за ней Г. Пикхан о том, что этот порядок, отражая усилившееся московское влияние в Пскове, именно с вокняжения Александра Васильевича становится общеобязательным, также не находит каких-либо подтверждений (альтернативную позицию см.: *Масленникова Н.Н. Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству; Pickhan G. Gospodin Pskow.*)

⁴² Псковские летописи. — Вып. 2. — С. 47 и далее.

⁴³ Псковские летописи. — Вып. 1. — С. 48; Вып. 2. — С. 137; см. также: Варш.; л. 326.

⁴⁴ Псковские летописи. — Вып. 1. — С. 54; Вып. 2. — С. 143.

⁴⁵ В 1449 и 1453 гг. псковский клир согласно летописи приветствовал владыку, выйдя «противу его со кресты», а в 1454 г. примерно в тех же выражениях эта новая для псковского летописания деталь уже включается и в описание встречи посетившего Псков проездом из Новгорода сына Дмитрия Шемяки (Псковские летописи. — Вып. 1. — С. 49, 50; Вып. 2. — С. 138, 140). «Со кресты противу Старого Вознесения» согласно всем псковским летописям псковичи встречают в 1460 г. великокняжеского сына Юрия Васильевича, который псковским князем не был, но чрезвычайно торжественные церемонии, сопровождавшие его имеющее особое политическое значение появление во Пскове, также необычно подробно описаны городскими летописцами. В дальнейшей встрече «со кресты» упоминается в известиях о княжеских приездах достаточно часто, но может и опускаться. При описании псковскими летописцами более ранних событий эта подчеркивающая особую значимость происходящего деталь встречается в рассказе Син. о встрече горожанами Александра Ярославича после победы на Чудском озере (т.е. в Повести о житии Александра Невского) и в ее же повествовании о князе Всеволоде Мстиславиче (Псковские летописи. — Вып. 2. — С. 13,

19) — т.е. в текстах, не являющихся в прямом смысле летописными, но не используется в обычных погодных статьях, нет ее и в Повести о Довмонте.

⁴⁶ Псковские летописи. — Вып. 1. — С. 59; Вып. 2. — С. 147.

⁴⁷ Позднее его еще дважды — в 1467 и 1472 гг. — просили снова прислать на княжение псковские посольства.

⁴⁸ Псковские летописи. — Вып. 1. — С. 73; Вып. 2. — С. 164.

⁴⁹ *Вовин А.А.* К вопросу о княжеской власти в Пскове XIV—XV вв. — С. 113.

⁵⁰ И вовсе не находился в реконструированном Л.В. Черепниным неизвестном источнике статусе лишь «признанного наместником», но при этом не являющегося псковским князем (*Черепнин Л.В.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв.: очерки социально-экономической и политической истории Руси. — С. 838—839).

⁵¹ Псковские летописи. — Вып. 1. — С. 81, 82, 84, 88, 91; см. также: Варш., л. 398.

⁵² *Вовин А.А.* К вопросу о княжеской власти в Пскове XIV—XV вв. — С. 113.

⁵³ И.К. Лабутина так интерпретирует летописный рассказ о приезде Ивана Репни: псковичи «нашли» князя Ивана, когда он уже оказался внутри города, в противном случае его смогли бы встретить с крестами по обычаю у Старого Вознесения (*Лабутина И.К.* Историческая топография Пскова в XIV—XV веках. — С. 187). См. также: *Городилин С.В.* Где нашли псковичи своего князя Ивана Найдена Репню Оболенского? Городская топография и политическая история // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — 2019. — № 1 (75). — С. 27—31.

⁵⁴ Псковские летописи. — Вып. 1. — С. 92; см. также: Варш., л. 398 об.

⁵⁵ *Вовин А.А.* К вопросу о княжеской власти в Пскове XIV—XV вв. — С. 113.

⁵⁶ Псковские летописи. — Вып. 1. — С. 92.

⁵⁷ Напр., см.: ПСРЛ. — Т. 2. — Стб. 509—510; Устюжский летописный свод. 1950. — С. 92; ср.: *Масленникова Н.Н.* Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. — С. 189.

⁵⁸ РГАДА. — Ф. 123. — Оп. 10. — Д. 10. — Л. 60—60 об., 134.

⁵⁹ Лишь в позднейшем Копенгагенском списке к этому добавляется еще и уточняющая интерпретация-реконструкция «и не по нашему челобитью» (Псковские летописи. — Вып. 2. — С. 294).

⁶⁰ Иван Репня Оболенский прибыл в Псков в период между началом сентября 1508 и 25 марта 1509 г., а уехал из города уже следующей зимой, незадолго до января 1510 г.

⁶¹ Поэтому сложно согласиться с М.М. Кромом, в работе которого расторжения Псковом отношений с князьями Даниилом Александровичем и Владимиром Даниловичем попадают в один ряд с позорным изгнанием Владимира Андреевича и на этой основе сделан вывод, что в предшествующий 1462 г. период псковичи еще могли изгонять князей «без оглядки на Москву» и без «каких-либо санкций за столь непочтительное обращение с великокняжеским наместником» (*Кром М.М.* Статус Пскова в системе великого княжества Владимирского XV — начала XVI в. (к вопросу о суверенитете средневекового русского города). — С. 117—118, 123). Различие между ситуациями, однако, видится не в наличии или отсутствии последующих санкций (к тому же вряд ли трехдневную задержку в аудиенции для послов можно оценить как слишком чувствительные для Пскова последствия), а в том, что во всех предыдущих случаях псковичи расставались с князьями, не допуская в их отношении бесчестия и не подвергаясь с их стороны обвинениям в этом (показательно, что князь Данила впоследствии снова возвращается на псковский стол; сын же Даниила Владимир сначала сам был посажен на княжение без какой-либо санкции Москвы, спустя некоторое время посольство Пскова добилось в Москве придания до приезда в Псков десять лет пребывавшему в Литве Владимиру статуса великокняжеского наместника, и

лишь позднее сами же горожане все же удаляют его с княжеского стола — сложно ждать, что все эти далекие внутриславянские перипетии в середине — второй половине 1430-х годов могли всерьез задевать великого князя Василия Васильевича). Единственный известный прецедент, позволяющий предполагать в том числе и какой-то конфликт и в «ритуальной» сфере, связан с князем Александром Федоровичем, но тот, покидая город, лишь упрекнул горожан в каком-то нарушении условий договора с ним («а на пскович крестное целование возложил»), не апеллируя при этом к приславшему его великому князю, и также позднее счел для себя возможным вновь принять приглашение в Псков. Бесчестье же князя в рамках русских средневековых представлений о праве всегда являло собой вопиющее нарушение нормы и вполне могло стать законной причиной даже для начала войны (см. напр.: НПЛ. — С. 89, 393; ПСРЛ. — Т. 4, ч. 1, вып. 2. — С. 345; Т. 6, вып. 1. — Стб. 490; ГВНИП. — № 18. — С. 33—34; характерно также, что «Правосудие Митрополичье» в случае бесчестья великого князя лицом более низкого статуса предполагает исключительную санкцию — «главу сняти» (АСЭИ. — Т. 3. — С. 22, № 8). Тут следует также упомянуть, что еще на взгляд владимирского летописца, описывавшего события 1170 г., не ставшаяся им под сомнение политическая свобода новгородцев в отношениях с их князьями вовсе не предполагала, однако, за горожанами права «соромляти» князей, к которым они ранее «крестъ честныи цѣловаше»: в противном случае следует надлежащее наказание от Бога «по достоянью», в конкретной ситуации осуществляемое «рукою благовѣрнаго князя Андрѣя» (ПСРЛ. — Т. 1. — Стб. 362; *Флора Б.Н.* Представления об отношении власти и общества в Древней Руси (XII — начало XIII вв.) // Власть и общество в литературных текстах Древней Руси и других славянских стран (XII—XIII вв.). — М., 2012. — С. 41—43.

⁶² Псковские летописи. — Вып. 2. — С. 187.

⁶³ Зато, впрочем, возникает обвинение в грабеже им при расставании на границе псковских почетных провожатых: В.Д. Назаров даже предположил, что хранившаяся согласно Описи царского архива в ящике 147 «Запись княж Федорова Юрьевича Шуйского в его вине» могла быть связана с великокняжеским разбирательством этих претензий к Федору со стороны псковичей (*Назаров В.Д.* Докончание князей Шуйских с князем Дмитрием Шемякой и судьбы Нижегородско-Суздальского княжества в середине XV в. // Архив русской истории. — М., 2002. — Вып. 7. — С. 72).

⁶⁴ *Экземплярский А.В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. — Т. 2: Владетельные князья владимирских и московских уделов и великие и удельные владетельные князья Суздальско-Нижегородские, Тверские и Рязанские. — С. 59, прим. 160.

⁶⁵ Такие столкновения действительно разгораются уже в первые месяцы следующего, 1463 г.: поводом для озлобленного их начало ливонского рейда стало, видимо, именно появление построенного при Владимире Кобыльего городка, который закреплял псковский контроль над спорным пограничным районом у Озольицы (см.: *Казакова Н.А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV — начало XVI в. — С. 132—134; *Баранов А.В.* Русско-ливонские мирные договоры 1474 года: предпосылки, переговоры, последствия // Средневековая Русь. — М., 2016. — Вып. 12. — С. 210; о работах 1462 г. по усилению оборонительных сооружений Пскова см.: *Лабутина И.К.* Историческая топография Пскова в XIV—XV веках. — С. 82, 100). Думается, несомненно достигшее Дерпта известие о разрыве псковичей с их князем и о его отъезде также поспособствовало началу военных действий.

⁶⁶ Псковские летописи. — Вып. 1. — С. 62; Вып. 2. — С. 52, 150.

⁶⁷ Вопреки предположению об изгнании Владимира некой «радикальной группировкой, отстаивавшей курс на конфронтацию с Москвой и не соглашающейся

ся со стратегией добровольного подчинения», высказанному Гертруд Пикхан (*Pickhan G. Gospodin Pskow. — S. 289*), летописный текст четко противопоставляет общее решение о прекращении власти князя и последовавшие оскорбительные действия отдельных людей, нет ни с одной из сторон и любых указаний на конфронтацию с Москвой как мотив или как цель происшедшего.

⁶⁸ На это обратил внимание еще Б.Б. Кафенгауз (*Кафенгауз Б.Б. Древний Псков: очерки по истории феодальной республики. — М., 1969. — С. 99*). Псковские летописи четко различали вполне допустимое на их взгляд лишение псковичами князей — великокняжеских наместников власти в городе, т.е. односторонний разрыв отношений с ними, и их бесчестье: в случае с Владимиром сами летописцы ясно указывают, что именно было бесчестьем (и действительно могло стать поводом для московских санкций), а в известных случаях изгнаний других князей речь об их бесчестьи при этом не шла. Характерно, что Иван Репня, так же, как и Владимир Андреевич, перед лицом великого князя обвинявший горожан в бесчестьи, даже не был ими изгнан, а уезжает сам — т.е. сам по себе его отъезд бесчестьем не был и таковым не сопровождался. Псковичи по мнению князя Ивана «бесчестовали» его не при отъезде, а ранее, когда во время его княжения постоянно ставили ему и его людям ограничения при осуществлении княжеской судебной-административной власти в городе и в пригородах, как сообщает и московский рассказ «Взятие Пскова» (*Масленникова Н.Н. Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. — С. 185—187*). Сам же по себе отказ в поддержке городским сообществом великокняжеского наместника, подразумевающий необходимость прекращения его княжеских полномочий, как бесчестье не интерпретировался и до, и после 1462 г.: характерно, что лишившийся расположения псковичей князь Федор Юрьевич, когда в Москву отправилось посольство за другим князем, как уже было сказано, даже не ждет распоряжений великого князя, а просто слагает с себя крестное целование и покидает Псков.

⁶⁹ Псковские летописи. — Вып. 1. — С. 62—63; Вып. 2. — С. 52, 151. Мнение о том, что, «по-видимому», «посольство было не о князе, а о сохранении права» (*Костомаров Н.И. Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада (история Новгорода, Пскова и Вятки). — С. 284*) прямо противоречит летописным текстам.

⁷⁰ Заметим, что конструкция, которая чаще всего применялась летописцами — «послаша псковичи послов (перечисляются имена послов) к князю великому и испросиша себе князя» (далее следует имя князя) — не позволяет судить о степени самостоятельности послов в деле обсуждения с великим князем кандидатур: судя по всему, в разных ситуациях она могла быть весьма различной — во всяком случае, в период до 1462 г.

⁷¹ Псковские летописи. — Вып. 2. — С. 151.

⁷² Признаваемое великим князем за Псковом право — в рамках надлежаще проведенной и оформленной процедуры получать для себя желаемого псковичами князя («язь князь великои вась свою вотчину о всемъ жалоую, коего от мене к себѣ намѣстником, а к себѣ князем хотите, толко ко мнѣ своего боярина с листом о коем князе не прислете») — та же ПЗЛ, описывая процесс длившегося почти год согласования кандидатур во время замены уже покинувшего город князя Федора Юрьевича, связывает именно с прелотворением угрозы бесчестья великокняжеского наместника: «зане же великий князь многажды послом псковским глаголет: кои боудеть вамъ намѣстник от мене вамъ князь надобѣ, я вамъ того не стою; а того бы есте не бешчестовали, которѣи у васъ боудеть начнет творити сило» — т.е. «я готов давать вам наместником любого нужного вам князя и не буду тут на чем-то настаивать, но только не подвергайте бесчестью наместника, который у вас уже княжит, даже в случае злоупотреблений с его сто-

роны» — и это явная отсылка именно к рассматриваемым нами событиям осени 1462 г. (Псковские летописи. — Вып. 2. — С. 186—187).

⁷³ Известен случай, когда псковичи попросили у великого князя вновь утвердить в качестве его наместника вернувшегося к ним из Новгорода еще три года назад Александра Чарторыйского, но конфликта горожан с Василием Васильевичем здесь не возникло: он согласился на это при условии принесения князем Александром новой присяги великому князю и его детям, что оказалось неприемлемо уже для Чарторыйского.

⁷⁴ Псковские летописи. — Вып. 1. — С. 43—44; Вып. 2. — С. 44, 132.

⁷⁵ Высказанное К. фон Штерном предположение, что Иван Стрига входил в свиту Юрия Васильевича и был его авторитетным советником (*Stern C. von. Dorpat-Pleskauer Kämpfe und Verträge 1448—1463.* — S. 384) вынуждает все же уточнить, что во всяком случае князь Иван служил не Юрию, а великому князю, и псковичи получают его себе по великокняжескому повелению.

⁷⁶ Мнение, что сам Иван Друцкий «в 1436 г. был князем в Пскове» (*Бенцианов М.М.* «Княжеский элемент» в новгородской поместной корпорации на рубеже XV—XVI вв. — С. 95), неточно: летопись говорит о нем, как о приехавшем 1 ноября 1435 г. в город (и вскоре уехавшем к великому князю) не на княжение, а «в своем безвременьи», как беглец; псковским князем же тогда (как минимум — до приезда Бориса Васильевича 17 ноября) оставался Владимир Данилович.

⁷⁷ ПСРЛ. — СПб, 1910. — Т. 23. — С. 151; *Назаров В.Д.* Докончание князей Шуйских с князем Дмитрием Шемякой и судьбы Нижегородско-Суздальского княжества в середине XV в. — С. 67.

⁷⁸ *Масленникова Н.Н.* Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. — С. 55. Мнение Н.С. Борисова о том, что Александр Чарторыйский после событий 1441 (вероятнее, все же 1442. — С.Г.) г. был пожалован великим князем неким «провинциальным кормлением», но вместо связанных с ним «тихих радостей» предпочел принять полученное им от псковичей — несмотря на возможное неудовольствие великого князя и, кажется, даже вовсе без его ведома — приглашение на псковский стол (*Борисов Н.С.* Псковская политика Василия Темного. — С. 103), сложно разделить, поскольку ни один из его элементов не находит поддержки в имеющихся источниках. Наиболее вероятным в рассматриваемой ситуации видится высказанное нами выше предположение, что отправка князя Александра Василием Васильевичем в начале 1443 г. в Псков — одно из следствий заключенного у Троицкого монастыря в 1442 г. примирения великого князя с Дмитрием Шемякой и выступившим тогда на стороне Дмитрия Чарторыйским.

⁷⁹ Псковские летописи. — Вып. 2. — С. 35.

⁸⁰ Там же. — С. 39.

⁸¹ Собственно говоря, в обстановке, когда ближайшей московской задачей оставалось дальнейшее подчинение Новгорода, в деле которого важно было не допустить возрождения новгородско-псковского союза, и, напротив, опереться на военную поддержку Пскова, любые жесткие меры к псковичам со стороны Москвы видятся вряд ли возможными в реальности. Таким образом, наиболее убедительной по-прежнему представляется оценка ситуации осени 1462 г. фон Штерном: «Der Großfürst gab in allem nach, gewiß nicht aus Achtung vor altem Recht und Herkommen, sondern weil er der Bundesgenossenschaft Pleskaus gegen Novgorod bedurfte und diese nicht aufs Spiel zu setzen wagte» — «великий князь уступил во всем, и определено не из уважения к старинному праву, а из-за того, что нуждался в союзе с Псковом против Новгорода и не хотел рисковать» (*Stern C. von. Dorpat-Pleskauer Kämpfe und Verträge 1448—1463.* — S. 404).

⁸² *Болховитинов Е.А.* История княжества Псковского. — С. 72—73; *Беляев И.* Рассказы из русской истории. — Кн. 3: История города Пскова и Псковской земли. — С. 159; *Мартысев И.Д.* Псковская судная грамота: Историко-юридическое исследование. — С. 24; *Pickhan G.* Gospodin Pskow. — S. 289.

⁸³ *Баранов А.В.* Русско-ливонские мирные договоры 1474 года: предпосылки, переговоры, последствия. С. 208—212.

⁸⁴ ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 6. — Стб. 206—207.

⁸⁵ Новейшую работу и библиографический обзор по этой теме см.: *Назаров В.Д.* О включении Ярославского княжения в состав Российского государства // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. — М., 2015. — Вып. 4. — С. 51—79.

⁸⁶ *Титов Г.А.* Об одной группе монет с именем князя Федора // Русь, Литва, Орда. — М., 2016. — Вып. 2. — С. 132.

⁸⁷ По гипотезе И.К. Лабутиной, которой предложено распределение известных статей 6923 и 6925 гг. ПЛ между 6923, пропущенным 6924 и 6925 гг., изгнание Андрея произошло 17 июля не 1417, а 1416 г. (*Лабутина И.К.* Историческая топография Пскова в XIV—XV веках. — С. 108—109). В таком случае, однако, возникает неразрешенная пока что проблема: в послании псковичам 24 сентября 1416 г. по поводу Константиновой грамоты митрополит Фотий ссылается на то, что с просьбой об этом к нему обратились псковские послы посадник Яким и Василий, а также князь Андрей Александрович (РИБ. — СПб., 1908. — Т. VI. — Ч. 1. 2-е изд. Памятники древнерусского канонического права. — Стб. 385 № 44). Трудно предположить, что уже изгнанный псковичами князь отправляется с ходатайством об отмене не устраивающего их акта к митрополиту, продолжая действовать в интересах отказавшегося от его услуг города.

⁸⁸ Дата рождения князя Владимира неизвестна, согласно синодику его отец был дважды женат, по родословным Владимир — четвертый из шести братьев-Андреевичей. Вероятно, он получил имя в честь своего двоюродного деда, Владимира Константиновича, родившегося где-то между 1328 и 1364 гг. и к 1404 г. уже, судя по всему, умершего (а в 1415 г. скончался и сын того Константин Владимирович). Если исходить из имеющихся косвенных данных, Владимир Андреевич мог появиться на свет на рубеже XIV—XV вв. или, скорее, где-то в первой трети XV в.

⁸⁹ *Николаева Т.В.* Произведения русского прикладного искусства с надписями XV — первой четверти XVI в. // САИ. Е1-49. — М., 1971. — № 100. — С. 93, таб. № 66.

⁹⁰ ПСРЛ. — Т. 24. — С. 194.

⁹¹ *Сиренов А.В.* Летописцы в рукописях Михаила Медоварцева // Летописи и хроники, 2013—2014. — М.; СПб., 2015. — С. 330; ПСРЛ. — Т. 24. — С. 227; *Конов С.В.* Синодология. Ч. II. Ростовский соборный синодик // Историческая генеалогия. — Екатеринбург; Нью-Йорк, 1995. — Вып. 6. — С. 101.

⁹² Определенный И.А. Голубцовым как Владимир Андреевич Ростовский «князь(ь) Володимерь», о поездке которого с Василием Замытским в Новгород по поводу великокняжеских земель в Задвинье в период между 1456 и 1462 гг. сообщает 2 список Двинских земель (АСЭИ. Т. 3. С. 31. № 15) — судя по всему, князь Владимир Иванович Оболенский. Благодарю за консультацию А.В. Кузьмина, в устном обсуждении поддержавшего эту гипотезу.

⁹³ ДДГ. — С. 195. — № 61.

⁹⁴ См. напр.: АСЭИ. — Т. 3. — С. 224. — № 8.

⁹⁵ Характерно, что Ю.Г. Алексеев, отмечая сохранение за Владимиром Андреевичем его прежнего владетельного статуса во время пребывания в Пскове, само княжение там ростовского князя определяет лишь как «выполнение политического поручения великого князя», во время которого «не переставая быть кня-

зем в своем уделе» Владимир «фактически находится» на великокняжеской службе, очевидно, подразумевая, что в полноценном понимании этого термина на службу Василию Васильевичу «ростовский владетельный князь» и глава Борисоглебской ветви не поступал (*Алексеев Ю.Г.* Под знаменами Москвы: борьба за единство Руси. — С. 115).

⁹⁶ Устюжский наместник князь Иван Александрович, которому адресована грамота великого князя Ивана Васильевича, опубликованная В.А. Аракчеевым (*Аракчеев В.А.* Новый источник по истории великокняжеской политики в северорусских землях в третьей четверти XV в. // *Российская история.* — 2011. — № 4. — С. 178—184), судя по всему, не дядя Владимира Иван Александрович Ростовский: даже если бы тот в 1462 г. еще здравствовал, ему б должен был идти тогда уже как минимум восьмой десяток, кроме того, будь князь Иван жив и политически активен в сер. XV в., то он имел бы больше прав на Ростов, нежели его племянник Владимир, но еще известия 1390-х—1400-х годов изображают младшего из братьев Александровичей чрезвычайно болезненным. Поэтому, скорее всего, в акте упомянут преемник Владимира на псковском столе Иван Александрович Звенигородский, — видимо, после 1466 г. получивший назначение в Устюг (характерно, что в 1468 г. рать устюжан в поход на Казань ведет его сын Иван Звенец: ПСРЛ. — Т. 25. — С. 280). Первый ростовский князь Борисоглебской ветви, бесспорно находящийся на московской службе — поминаемый согласно ранним синодикам как павший при взятии Казани в 1487 г. князь Юрий Дмитриевич, представитель младшей линии этой ветви, потомков Владимира Константиновича: Памятники истории русского служилого сословия. — М., 2011. — С. 174, 189. Для них так же, как и для множества их сородичей, представляющих уже обе ветви князей Ростовских, несомненная их служба Ивану Васильевичу определяется только лишь массовым испомещением этих князей с середины 1480-х годов на конфискованных великим князем у новгородских вотчинников землях. Этапное в этом смысле значение 1485 г., когда после кончины великой княгини Марии вся территория бывшего Ростовского княжения окончательно вошла в состав великокняжеских земель, было отмечено еще А.А. Зимин (*Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. — С. 82).

⁹⁷ В отличие от другой, Сретенской ветви князей Ростовских, представитель старшей линии которой Андрей Федорович Голенин после 1462 г. уходит из Ростова на службу к Борису Волоцкому, а его ближайшие родичи (возможно, уже к этому времени, и, что несомненно, несколько позднее) служат великому князю. Кому-то из боровшихся между собой членов московского великокняжеского рода, судя по всему, служил и приобретающий во второй половине 1430-х годов или, скорее, 1440-х годов на некоторое время вотчину в Бежецке старший сын наследника последнего владетельного князя Сретенской ветви Александра Федоровича Дмитрий Щепа.

⁹⁸ В Пскове такого рода практика фиксируется в правой грамоте князя Ярослава Васильевича и посадников Леонтия Тимофеевича и Степана Максимовича Снеготорскому монастырю, согласно которой на межевание спорной земли «оспода» посылала «княжого боярина Михаилу Чета» и псковского сотцкого Климету Семеновича, а сам акт писал «князь дьякъ» (ГВНиП. — М.; Л., 1949. — № 340).

⁹⁹ Эта практика также была демонстративно прекращена по воле великого князя сразу же после «псковского взятия» в январе 1510 г.

¹⁰⁰ Эту тенденцию можно отметить еще с первой трети XV в.: с конца предыдущего столетия Ростовский княжеский дом уже не может защищать свои северные земли на Двине и Ваге от постоянного давления Новгорода, в итоге обширные владения в этой части княжества, принадлежавшие ряду ростовских князей,

в том числе дядя Владимира Ивану Александровичу, оказываются под новгородской властью, а в 1456 г. переходят к великому князю. Другой дядя Владимира, Федор Александрович, в середине 1400-х — начале 1420-х годов заложил свое отчинное село Никольское с деревнями в Ростове за 300 рублей ростовскому боярину Борису, и, поскольку долг так и не удалось выплатить, это крупное пригородное владение навсегда ушло из родовой собственности.

¹⁰¹ Подробнее см.: *Городилин С.В.* К вопросу о брачных связях псковской элиты в первой трети XV в. // Археология и история Пскова и Псковской земли. — Псков, 2015. — Вып. 30: Семинар им. акад. В.В. Седова: материалы 60-го заседания. — С. 81—82.

¹⁰² Самостоятельный чекан монеты ростовскими князьями прекратился где-то к концу 1410-х — началу 1420-х годов, и, в любом случае, в 1433 г. в Ростове уже сидит великокняжеский наместник. Но переход прав на половину города к московскому князю случился несколько ранее: известно пожалование еще Василия Дмитриевича, выданное вышеупомянутому ростовскому боярину на его село в Ростове при жизни Федора Александровича Ростовского или, скорее всего, вскоре после пострижения того в 1421 г. и смерти (АСЗ. — М., 1996. — Т. 1. — С. 55. — № 66). На данный момент наиболее вероятным видится вариант, при котором принадлежащую князьям Сретенской линии половину Москва получает в последние полтора года жизни этого великого князя, между серединой 1423 и февралем 1425 г., почему упоминание о Ростове и не попадает в уже заверенный к тому времени Витовтом текст последней духовной грамоты великого князя Василия.

¹⁰³ *Городилин С.В.* К вопросу о брачных связях псковской элиты в первой трети XV в. — С. 78—81.

¹⁰⁴ После отъезда из Пскова 28 февраля 1434 г., вызванного обострением династического конфликта в Москве, из-за чего поддержка великим князем своего княжашего в Пскове наместника стала невозможна, Александр через некоторое время умирает, а Дмитрий Александрович, судя по всему, обнаруживается на службе князьям московского дома (как позднее и его испомещенное в 1480-х годах в новгородских землях потомство) в принадлежащем тем Бежецком Верхе.

¹⁰⁵ ПСРЛ. — СПб., 1910. — Т. 23. — Стб. 157—158.

¹⁰⁶ Сообщение о бесчестии князя на вече в летописи следует за известием о его изгнании, что заставляет предположить, что «с степени» князя разгорячившиеся горожане спустили сразу после публичного выражения воли городского сообщества о лишении его статуса псковского князя. Вероятнее всего, Владимир Андреевич в этот момент не проявил подобающего уважения к сообществу псковичей или даже вступил с ними в дискуссию, что и вызвало ранее никогда не фиксировавшуюся летописцами вспышку эмоций. Во всяком случае, не вполне ясно, что имел в виду В.А. Аракчеев, говоря, что «in the late summer of 1462, Prince Vladimir Andreevich was not permitted to assume the princely throne: “The ignorant Pskovians, evil people, pushed him off the rostrum”» (*Arakcheev V. The Evolution of State Institutions of the Republic of Pskov and the Problem of its Sovereignty from the Thirteenth to Fifteenth Centuries // Russian History. — № 41 (2014). — P. 432*) — этот стол Владимир занимал еще с весны предыдущего года, а в ходе рассматриваемого инцидента как раз его утратил. Если речь тут о том, что занимаемый князем «стол» располагался на вечевом собрании и на этот раз князю не дали его занять, то с этим также сложно согласиться: ритуал настолования происходил, как известно, единожды при приезде князя в соборе Троицы, в дальнейшем же, насколько можно судить, главным местом официального пребывания и репрезентативного функционирования князя был княжий двор у городского Торга, а не соборная площадь.

¹⁰⁷ *Вовин А.А.* К вопросу о княжеской власти в Пскове XIV—XV вв. — С. 103, 112, 114.

¹⁰⁸ *Никитский А.И.* Очерк внутренней истории Пскова. — С. 124; Псковские летописи. — Вып. 2. — С. 300.

¹⁰⁹ Псковские летописи. — Вып. 2. — С. 68, 199, 201. Тут следует заметить, что несмотря на установившиеся с 1399 г. псковско-великокняжеские отношения, нет никаких данных, свидетельствующих о вовлеченности Пскова в фискальную систему великого княжения (за исключением отдельных известий о различных суммах поднесенных великому князю даров — разумеется, нерегулярных). Не сообщается о сборе в Псковской земле ордынского «выхода» (нет указаний и о том, что в ней в период после монгольского завоевания производилась перепись или хотя бы, как в Новгороде и Смоленске, когда-то бывали ханские послы), не входит она и в новгородскую систему взимания черного бора, тамга начинает взиматься в Пскове лишь в 1510 г., не брался, судя по всему, на территории республики и ям. Таким образом, помимо взаимных военно-внешнеполитических обязательств, то, что Псков считал себя отчиной великого князя, в рассматриваемый период выражалось лишь исключительно в прошении и приеме городским сообществом князей для себя из московской руки и в обеспечении этих князей и их окружения «пошлиной».

¹¹⁰ Псковские летописи. — Вып. 1. — С. 92; Вып. 2. — С. 59, 150.

¹¹¹ Там же. — С. 57—58; Вып. 2. — С. 51, 146.

¹¹² ПСРЛ. — Т. 16. — Стб. 202.

¹¹³ Псковские летописи. — Вып. 2. — С. 59.

¹¹⁴ См.: *Городилин С.В.* Три жалованные грамоты на ростовский двор Троице-Сергиева монастыря: к вопросу о судоустройстве в Ростове в XV в. // «По любви, во правду, безо всякие хитрости»: друзья и коллеги к 80-летию Владимира Андреевича Кучкина. — М., 2014.

¹¹⁵ К близким выводам приходит и Карл фон Штерн, также называющий в качестве одной из причин конфликта горожан с князем Владимиром их недовольство его сдержанной позицией в разворачивающемся противостоянии с Дерптом. Однако немецкий исследователь считал позицию Владимира лишь выражением воли молодого великого князя Ивана Васильевича, не хотевшего быть втянутым в войну с Дерптом и Орденом (*Stern C. von. Dorgpat-Pleskauer Kämpfe und Verträge 1448—1463.* — S. 403). Думаем, однако, что вряд ли псковский князь успел бы за лето запросить и получить из Москвы какие-то новые указания по этой проблеме и уже вызвать напряженность их неукоснительным выполнением. К тому же, как показывают последующие события, сама по себе война из-за пограничного спора псковичей в итоге вовсе не показалась неприемлемой для Москвы.

¹¹⁶ Позже им это уже было знакомо: в 1476 г. вошедший в затяжной конфликт с городским сообществом князь Ярослав Васильевич Оболенский «изо Пскова не едет, а псковичи его и провадят, и не провадят, как онь от великого князя посла ожидает, тако и псковичи, а над ним силно не чинят по его насилью» (Псковские летописи. — Вып. 2. — С. 205), близкая ситуация с князем Иваном Репней Оболенским, собственно, предшествовала и самому «Взятию псковскому» 1510 г.

¹¹⁷ *Масленникова Н.Н.* Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. — С. 188.